

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХVII.

1901.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Изб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	55
II. Высочайшія награды	62
III. Высочайшіе приказы	—
IV. Приказъ министра народнаго просвѣщенія	67
V. Министерскія распоряженія	—
VI. Опрежденія ученаго комитета мин. нар. пр.	78
VII. Опрежденія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	81
Открытіе училищъ	84

A. С. Вязигинъ. Идеиная подготовка церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка. II (продолженіе)	261
E. B. Пѣтуховъ. Возникновеніе и первоначальная организація Дерптскаго университета въ началѣ XIX вѣка. I	295
A. И. Введенскій. Опоръ о омоводѣ воли передъ оудомъ критической философіи	320
A. И. Савинъ. Новѣйшая литература по оціальнот исторіи Англіи въ эпоху Тюдоровъ	362
Д. Ѳ. Кобеко. Къ родословію Шереметевыхъ	373
A. И. Соболевскій. Изъ исторіи русскаго языка	396

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

B. B. Сиповскій. Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года. VIII—IX (окончаніе)	410
H. II. Павловъ-Сильванскій. Новое объясненіе закладничества	444
M. B. Довнаръ-Запольскій. Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма. <i>Матеріалъ Любавскаго</i> . М. 1901	454
C. M. Кульбакинъ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ проф. <i>Б. Ѳ. Карскимъ</i> . Варшава 1901	498
O. C. Леонардо да Винчи. Исслѣдованіе проф. <i>Н. Ѳ. Сумцова</i> . Харьковъ 1900	500
I. Ѳ. Мандельштамъ. <i>Finnisch-Ugrische Forschungen</i>	505
C. O. Платоновъ. О происхожденіи патріарха Гермогена	511
— Книжныя новости	514

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>J. Carré</i> . Le Vocabulaire français	17
<i>G. Vioche</i> . Cours de Français pratique, moral et récréatif	19
<i>J. Martin</i> . Le Correspondant commercial français.	23
<i>К. Я. Ближикій</i> . Краткая нѣмецкая грамматика	—
<i>B. A. Фуксъ</i> . Руководство всеобщей исторіи	24
<i>C. A. Исполотовъ</i> . Дополнительныя статьи алгебры	27

(См. 3-ю стр. обложки).

Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма. (Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. *Матей Любавскаго*. Изд. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. М. 1901 г., 850 стр.+232 стр. прил.+LXIX указ.).

Выборъ темы, которой посвящена книга М. К. Любавскаго, нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ: онъ затронулъ одинъ изъ интереснѣйшихъ и совершенно неизслѣдованныхъ вопросовъ. Само изслѣдованіе выполнено на основаніи широкаго изученія архивныхъ источниковъ и литературы. Сочиненіе М. К. Любавскаго отличается многими достоинствами и въ виду новизны поднятаго въ немъ вопроса заслуживаетъ внимательнаго къ себѣ отношенія.

Въ виду обширности и важности вопроса, которому посвящена книга М. К. Любавскаго, мы намѣрены въ настоящей статьѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ ея, проверить и обсудить важнѣйшіе выводы автора.

Книга г. Любавскаго распадается на 7 главъ. Въ первой онъ трактуетъ о происхожденіи литовско-русскаго сейма, его составѣ и функціяхъ въ начальной стадіи развитія. Во второй онъ говоритъ о національно-политической борьбѣ въ XV вѣкѣ и о происхожденіи великаго вальнаго сейма (стр. 47—170). Третья—посвящена изложенію великихъ вальныхъ сеймовъ при Сигизмундѣ I (стр. 171—310). Такимъ образомъ вторая глава началомъ своимъ примыкаетъ къ первой и концомъ къ третьей,—такъ какъ въ ней излагаются сеймы при Казимирѣ и Александрѣ. Четвертая и пятая главы посвящены изученію тѣхъ становъ, изъ которыхъ составлялся великій сеймъ, то-есть господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ (стр. 311—427), и организаціи шляхетскаго сословія въ Литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка (стр. 428—508). Шестая глава посвящена сеймамъ при Сигизмундѣ Августѣ до 1565 г. и изложенію дальнѣйшаго роста сословныхъ правъ шляхты (стр. 509—734). Въ седьмой и послѣдней главѣ авторъ излагаетъ исторію сейма въ окончательной стадіи его развитія (стр. 735—850). Изъ этой схемы видно, что главное вниманіе удѣлено авторомъ изложенію исторіи сеймовъ, то-есть выясненію вопросовъ, — когда, по какой причинѣ были созываемы отдѣльные сеймы и каковы результаты ихъ дѣятельности. Изъ этого точно также видно, что авторъ держался исключительно историческаго метода изслѣдованія. Авторъ такимъ образомъ выполнялъ первичную часть въ разработкѣ вопроса. Съ архитектурной, приданной авторомъ

своей книгѣ, не вполне можно согласиться. Такъ, имъ опущенъ серьезный вопросъ, касающійся одного изъ „становъ“ сейма—господаря великаго князя: власть господаря, въ ея историческомъ развитіи, мало интересуется автора. Исторія рады обрывается на правленіи Сигизмунда I по совершенно непонятнымъ причинамъ: 1544 годъ не составляетъ никакого перелома въ исторіи учрежденія. Такое дѣленіе является совершенно внѣшнимъ, случайнымъ. Въ историческомъ очеркѣ шляхетскаго сословія оно является оторваннымъ отъ землевладѣнія и т. д. Впрочемъ, эти недостатки вполне искупаются и новизной выдвинутой темы, и широтой постановки другихъ вопросовъ.

Въ книгѣ М. К. Любавскаго рассмотрѣны четыре крупныхъ вопроса въ исторіи сейма: вопросъ о происхожденіи этого института, о господарской радѣ, исторія шляхетскаго сословія и изложеніи исторія самихъ сеймовъ.

I.

Начнемъ съ краткаго знакомства съ взглядомъ, проводимымъ почетнымъ авторомъ на происхожденіе литовско-русскаго сейма. Это необходимо, такъ какъ это кардинальный пунктъ темы, опредѣляющій пониманіе всего института.

Авторъ полагаетъ, что литовско-русскій сеймъ въ окончательной стадіи своего развитія является простымъ наслоеніемъ данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Это положеніе онъ и собираются доказать въ своемъ изслѣдованіи (стр. 9 — 10). Такимъ образомъ авторъ отрицаетъ внутреннюю связь въ развитіи сейма съ государственнымъ организмомъ вообще. При такихъ условіяхъ внѣшнія причины получаютъ перевѣсъ надъ внутренними. Исходя изъ такого взгляда, авторъ приходитъ къ заключенію, что литовско-русскій сеймъ родился въ моментъ уніи 1401 года: до этого момента перевѣсъ въ государственномъ управленіи былъ на сторонѣ удѣльныхъ князей; но они были стерты Витовтомъ, который предпочелъ опереться на знатное литовское боярство и призвалъ его къ политической жизни (стр. 10—29, въ особенности послѣдняя). Дальнѣйшимъ моментомъ въ исторіи сейма является актъ Городельской уніи 1413 года. Вокругъ князя сплотилось родовитое литовское боярство, теперь только проникнувшееся пониманіемъ національных интересовъ и притомъ уже успѣвшее поддаться вліянію Польши (стр. 44—45). По Городельскому акту извѣстная часть родовитаго боярства оформилась въ со-

словіе, получившее политическія права (стр. 48). Воряба, начавшаяся въ государствѣ послѣ Витовта, имѣла національно-политическій характеръ: она была порождена стремленіемъ русскаго боярства получить тѣ же политическія и гражданскія права, которыя были предоставлены литовской знати. Грамоты Сигизмунда Кейстутевича и Ягайла 1432 и 1434 годовъ разрушаютъ преграду, установленную актомъ 1413 года между русскимъ и литовскимъ боярствомъ, и люди русской національности получаютъ въ полномъ объемѣ гражданскія и политическія права, дарованныя ранѣе литовцамъ (стр. 74 — 77). Только недоувѣріе къ Польшѣ заставило сторонниковъ Свидригайла держаться еще нѣкоторое время своего кандидата на великокняжескій престолъ (стр. 77). Сигизмундъ Кейстутевичъ погибъ жертвою личной безтактности (стр. 93), и на литовско-русскомъ престолѣ появляется Казимиръ Ягайловичъ, утвердившій и расширившій права шляхетства. Такимъ образомъ сеймъ составилъ изъ боярства литовскаго и областного. Г. Любавскій далѣе поясняетъ, что и въ областяхъ-аннексахъ, какъ и въ собственной Литвѣ, мѣстная аристократія, князья и бояре, играли первенствующую роль.

Такимъ образомъ сложился литовско-русскій сеймъ.

Мы не станемъ останавливаться на этой части изслѣдованія г. Любавскаго, предполагая посвятить дальнѣйшую часть своей статьи инымъ вопросамъ. Замѣтимъ, однако, что такая постановка вопроса не представляется намъ вполне доказанной, такъ какъ въ ней обобщены нѣкоторыя важныя явленія и нѣкоторыя объясненія возбуждаютъ сомнѣніе. Прежде всего едва-ли можно согласиться съ опредѣленіемъ даты зарожденія сейма. И до 1401 года литовская знать, вопреки увѣреніямъ г. Любавскаго, принимала участіе въ управленіи государствомъ въ лицѣ великокняжескаго совѣта ¹⁾, и его политическое значеніе естественно вытекаетъ изъ условій сложенія государства ²⁾. Выборный государь и не могъ обойтись безъ помощи знати ³⁾. Значитъ, знать и раньше имѣла политическое значеніе,

¹⁾ См. ниже, при разборѣ вопроса о происхожденіи рады.

²⁾ *Доментаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство Вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, р. 78.

³⁾ Хотя великій князь Литовскій называлъ себя напомъ и дѣдичемъ подвластныхъ земель, хотя въ теченіе боѣе двухъ вѣковъ князья происходили изъ одной династіи, но фактически великій князь былъ выборнымъ государемъ. Это можно прослѣдить на фактахъ, уясняющихъ избраніе князей. И въ теоріи князья признавали себя выборными. Ср. заявленія Ягайлы въ письмѣ 1431 года къ магистру: „Novit

хотя еще не получила юридического признания. Трудно видѣть въ актѣ 1401 года политическое признаніе правъ боярства: никакихъ правъ никто боярству не даетъ, такъ какъ это только обязательство со стороны литовскаго боярства по отношенію къ королю и къ коронѣ. Обязательства подобнаго рода со стороны мѣстныхъ элементовъ составляютъ довольно обычную черту въ дипломатическихъ отношеніяхъ того времени, такъ какъ скрѣпленіе договоровъ только государемъ считалось недостаточнымъ и требовалось подтвержденіе со стороны подданныхъ. И актъ 1401 года есть только подтвержденіе со стороны литовской знати записи Витовта Ягайлу. Отсутствіе князей въ этомъ обязательствѣ (кромѣ князя Воротынскаго) не означаетъ преобладанія боярства надъ князьями (ср. стр. 30), потому что князья уже каждый въ отдѣльности къ этому времени выдали присяжныя записи королю и королевству. На этомъ основаніи мы не можемъ признать столь важнаго политическаго значенія за актомъ 1401 года.

Иное дѣло актъ 1413 года. Здѣсь дѣйствительно въ 11-й статьѣ его содержится формальное ограниченіе верховной власти; только этой статьей дается политическая жизнь не сейму, то-есть собранію всего боярства или его депутатовъ, но господарской радѣ, то-есть государственному совѣту, составленному изъ очень небольшого числа областныхъ правителей. Такъ какъ Ягайло еще въ 1387 году даровалъ боярству извѣстныя права гражданскаго характера, то теперь онъ же съ Витовтомъ издаетъ актъ, подтверждающій эти права и сверхъ

enim universus orbis nec vobis et ordini vestro credimus fore incognitum, quod nos ex gonitoris nostri olim magni ducis Lythwanie Olgerdi, ducum et boyarorum unanimi accedente consensu electione constitutione approbatione et legitima successione, semper supremus princeps heres verus legimus et dominus naturalis magni ducatus Lythwanie Russieque terrarum fuimus, immo de facto absque intermissione nimis ipso iure, prout ducum eorundem boyarorum ac omnium terrigenarum predicti magni ducatus iuramenta omniaque fidelitatis, nobis sollemniter facta et prestita eorumque sigillis et litteris patentibus roborata et communita, evidencius protestantur. (Monumenta medii aevi, т. XII, р. 257). Акты 1401 и 1413 годовъ косвенно признають выборное начало. Интересно, что какъ родоначальникъ династіи, такъ и послѣдній ея представитель одинаково признавали себя выборными: „будучи господаремъ и накомъ надъ тѣмъ панствомъ великимъ княжествомъ Литовскимъ съ презрѣнья и ласки Божьей а за вашою воиэхъ становъ, родовъ и родичовъ обователей, рыцерства тамтого панства милости и добровольного образъа постановенъ и головою вашою въ Речи Посполитое того то панства учиненъ“, — заявляетъ Сигизмундъ Августъ въ грамотѣ 1565 г. (Кн. Зап. Лит. LXIV л. 281 об.—286).

того создающій извѣстное учрежденіе, которое можетъ контролировать исполненіе обязательствъ, данныхъ государемъ. Князей въ актѣ 1413 года нѣтъ, имъ и мѣста не можетъ быть въ этомъ актѣ, потому что ихъ связываютъ съ великимъ княземъ особые договоры ¹⁾. Нѣтъ и представителей русскихъ областей, потому что земли имѣютъ свои особые права, живутъ своею особою областною жизнью. Г. Любавскій, очевидно, придаетъ особо важное значеніе одному пункту грамоты 1401 года, именно тому, что паны польскіе обязуются не избирать себѣ государя безъ совѣта съ литовскими, а въ грамотѣ 1413 года, кромѣ этого, находимъ и еще пунктъ, по которому паны обоихъ государствъ получаютъ право, съ согласія ихъ общаго государя, отправлять *conventus et parlamenta* по дѣламъ, касающимся Польши и Литвы. Но первая статья фактически при Ягеллонахъ не исполнялась и выполненіе ея было нежелательно для литовцевъ, потому что означало бы ихъ подчиненіе. Общіе *parlamenta* съ поляками дѣйствительно собирались, но они ограничивались дѣлами о пограничныхъ спорахъ. Слѣдовательно, узкій и очень опредѣленный смыслъ этой статьи Городельскаго привилея не принимался литовцами какъ юридическое опредѣленіе литовскаго сейма.

Едва ли можно согласиться и съ предложеннымъ толкованіемъ актовъ 1432 и 1434 гг. Во-1-хъ, еще надо доказать, что общегосударственные тенденціи тогда уже возобладали надъ мѣстными и представители русскихъ областей дѣйствительно стремились проложить себѣ дорогу къ участию въ управленіи всѣмъ государствомъ. До сихъ поръ мы знали, между прочимъ и на основаніи изслѣдованія того же автора объ областномъ дѣленіи, что областныя тенденціи преобладали въ Литовско-русскомъ государствѣ надъ центростремительными. Далѣе, авторъ самъ склоненъ понимать раіонъ дѣйствія привилея 1432 года ограниченнымъ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ узкомъ смыслѣ. Значить, надо еще доказать, что привилей 1432 г. дѣйствительно распространенъ былъ на русскія области. Наконецъ, этотъ привилей не заключаетъ въ себѣ никакихъ политическихъ правъ, а предоставляемые имъ гражданскія права не шире, но уже областныхъ привилеевъ, выданныхъ Витовтомъ. Далѣе, привилей 1432 г.

¹⁾ Не понимаемъ, какимъ образомъ г. Любавскій, перечисливъ имена литовскаго боярства въ актѣ 1413 года, дѣлаетъ отсюда заключеніе, что „первоначальный литовско-русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ“ (стр. 36). Онъ дѣйствительно такимъ былъ, но *de facto*, а не на основаніи грамотъ 1401 и 1413 годовъ.

распространяетъ, правда, прежде утвержденные привилеи на лицъ русской національности, но въ то же время и подтверждаетъ болѣе ранніе привилеи во всей ихъ полнотѣ, не отрицая однако 11-ой статьи Городельскаго и, какъ увидимъ, эта статья имѣла законную силу до 1563 г.

Такимъ образомъ намъ представляется, что г. Любавскому не удалось доказать столь ранняго юридическаго зарожденія литовско-русскаго сейма (раньше чѣмъ въ Польшѣ, откуда литовцы, по мнѣнію г. Любавскаго, заимствовали свое учрежденіе: польскій сеймъ въ это время находился еще въ періодѣ зарожденія и не отличался въ опредѣленный юридическій институтъ). Ясно только, что литовское шляхетство получило извѣстныя гражданскія права и добилось того, что совѣтъ областныхъ правителей получилъ при государѣ обязательную юридическую силу. Очевидно, изъ того факта, что король обращается къ сеймамъ (это можно прослѣдить съ первыхъ же годовъ великокняженія Казимира), не слѣдуетъ еще заключать, что сеймы уже имѣютъ юридическую санкцію. Какъ до соединенія Литвы съ Польшей великій князь обращался къ совѣту изъ бояръ, не имѣвшему юридической санкціи, такъ и теперь онъ обращается къ непризнанному еще закономъ сейму. Косвенно обращеніе къ сейму для великаго князя сдѣлалось обязательнымъ съ 1447 г., когда онъ отказался отъ взиманія государственныхъ податей. Но освобожденіе отъ государственной подати получили не всѣ земли; остальные добились этой льготы въ первые годы Сигизмундова правленія. Кроме того, г. Любавскій не разъясняетъ одного важнаго обстоятельства: всѣ права политическаго и личнаго свойства, полученные шляхтою въ разное время, развивались, дополнялись и подтверждались въ великокняжескихъ конституціяхъ (въ 1447, 1492, 1506 гг.) и въ первомъ статутѣ. Между тѣмъ здѣсь о сеймѣ мы не встрѣчаемъ ни единого указанія; такія указанія на право шляхты рѣшать хотя бы нѣкоторые вопросы на сеймахъ отсутствуютъ и въ сеймовыхъ рецессахъ; не то мы видимъ въ сеймовыхъ рецессахъ послѣ второго статута и даже послѣ 1563 г. Чѣмъ объяснить такое умолчаніе подтвердительныхъ грамотъ и другихъ источниковъ въ теченіе полуторастолѣтія о юридическихъ правахъ сейма? Рада получила извѣстныя права и вездѣ фигурируетъ въ актахъ. Не указываетъ ли это умолчаніе источниковъ на то, что статьи привилеевъ 1401 и 1413 гг. о рѣшеніяхъ панамъ литовскими и польскими сообща нѣкоторыхъ дѣлъ не понимались литовцами, какъ право на литовско-русскій сеймъ?

Ограничившись этими общими замѣчаніями, переходимъ къ другимъ вопросамъ въ исторіи литовско-русскаго сейма.

II.

Вопросъ о господарской радѣ имѣетъ для историка сейма перво-степенное значеніе.

Въ эпоху развитія литовско-русскаго сейма послѣдній состоялъ изъ трехъ „становъ“ — государя-великаго князя, рады и представителей отъ шляхетства; эти три стана въ ихъ совокупности имѣли верховную власть въ государствѣ. Такимъ образомъ господарская рада является составною частью сейма. М. К. Любавскій отнесся къ этому вопросу съ должнымъ вниманіемъ и посвятилъ ему обширную главу въ своемъ изслѣдованіи (гл. IV „Составъ и политическое значеніе господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ“—стр. 311—427).

Познакомимся прежде всего съ тѣми основными выводами, къ которымъ пришелъ авторъ изслѣдованія. По мнѣнію М. К. Любавскаго, великокняжеская дума XIV в. не представляла изъ себя какой-либо определенной корпораціи. Великій князь призывалъ для совѣта какъ удѣльныхъ князей, такъ и бояръ; но вообще участіе боярскаго элемента въ великокняжескомъ совѣтѣ очень ограничено; объ ихъ участіи въ великокняжескомъ совѣтѣ „можно заключать по аналогіи съ другими областными княженіями и отчасти по фактамъ позднѣйшаго времени. Но при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, участіе бояръ въ великокняжескомъ совѣтѣ незамѣтно до Витовта“ (стр. 316—318); но и совѣтъ при Витовтѣ (князья при немъ не имѣли значенія) не былъ точно очерченъ и замкнутъ. Господарь набиралъ себѣ совѣтниковъ по своему желанію; роль совѣтника еще часто сливается съ ролью простаго свидѣтеля. Впрочемъ, уже при Витовтѣ намѣчается рядъ совѣтниковъ, съ которыми господарь совѣтуется чаще, чѣмъ съ другими; это—областные правители (стр. 322—323). Окончательный составъ господарской рады опредѣляется только при Казимирѣ: въ нее входятъ тѣ же совѣтники, составъ которыхъ намѣтился еще при Витовтѣ (стр. 329). Такимъ образомъ съ Казимира рада получаетъ свое фактическое бытіе, превратившись изъ личнаго великокняжескаго совѣта въ государственный, и въ такомъ видѣ рада просуществовала до Люблинской уніи. При великомъ князѣ Александрѣ, по конституціи 1492 г., рада получаетъ и юридическое опредѣленіе.

По мнѣнію М. К. Любавскаго, въ составъ рады входили слѣдующіе должностные лица: четыре католическихъ бискупа, канцлеръ, воеводы (виленскій, троцкій, полоцкій, кіевскій, новгородскій, витебскій, подляшскій и смоленскій), каштеляны виленскій и троцкій, старосты—жмудскій, луцкій и городенскій; сверхъ того, въ раду входили участвовавшіе областные князья. И затѣмъ въ радѣ имѣли мѣсто гетманъ найвысшій, гетманъ польный, маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, всѣ маршалки господарскіе, подскарбій земскій и подскарбій дворный, а также столовые и дворные уряды (т.-е. подчашій, крайчій, конюшій, дворный и др.), наконецъ, секретари, писари, тивунъ виленскій, хоружій земскій и хоружій дворный (стр. 332—347). Опредѣливъ, такимъ образомъ, составъ господарской рады, М. К. Любавскій обращается къ разсмотрѣнію того круга лицъ, изъ которыхъ она пополнялась. На основаніи извѣстнаго „пописа“ шляхты 1528 года, а также при помощи генеалогическихъ указаній, авторъ приходитъ къ выводу, что рада набиралась изъ весьма ограниченаго круга лицъ—изъ наиболѣе богатыхъ и самыхъ знатныхъ фамилій. Въ раду, правда, проникали, но въ рѣдкихъ случаяхъ, и элементы изъ незнатнаго шляхетства, пробивавшіеся личными заслугами и успѣвавшіе разбогатѣть. Такъ какъ среди литовско-русской знати самая богатая была собственно литовская знать, то изъ нея преимущественно и набирались члены рады. Этимъ объясняется, по мнѣнію автора, тотъ фактъ, что православная знать не попадала въ составъ великокняжескихъ совѣтниковъ: она была бѣднѣе литовской. По той же причинѣ не попали въ раду и православные іерархи, какъ небогатые и незнатные (стр. 347—366).

Очертивъ такимъ образомъ личный составъ господарской рады, авторъ переходитъ къ изложенію вопроса о компетенціи рады и въ частности—сферы дѣятельности тѣхъ изъ ея членовъ, которые не состояли областными правителями. Въ компетенціи рады авторъ находитъ поразительное разнообразіе. Напротивъ, въ функціяхъ ея отдѣльных членовъ (не состоящихъ областными правителями) авторъ находитъ большую неопредѣленность: канцлеръ, гетманъ и подскарбій земскій являются только исполнительными органами рады ¹⁾. Состоя изъ

¹⁾ Считаю нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе по поводу тѣхъ возраженій, которыя дѣлаетъ авторъ покойному Бершадскому въ вопросѣ о компетенціи рады. Авторъ, между прочимъ, упрекаетъ Бершадскаго въ томъ, что онъ ссылается на перечни пановъ радныхъ, находящіеся въ актахъ, совершенныхъ господаремъ въ присутствіи или при участіи рады. По мнѣнію М. К. Любавскаго, съ этою цѣлью

представителей самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій и находясь въ составѣ администраціи центральной и областной, паны рады доминировали на сеймахъ, и рядовая шляхта добилась значительнаго вліянія на сеймахъ только во вторую половину правленія Сигизмунда-Августа.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, основные выводы, къ которымъ пришелъ почтенный авторъ. Во многомъ однако съ нимъ нельзя согласиться. Только положеніе, что рада составлялась изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ и что она доминировала на сеймахъ, представляется намъ безспорнымъ; правда, оно не ново, но зато съ обстоятельностью развито и доказано авторомъ. Другіе выводы возбуждаютъ сомнѣніе.

Таковъ прежде всего вопросъ о положеніи православныхъ элементовъ въ радѣ. Городельскій привилей 1413 года призналъ политическія и личныя права только за шляхтой католическаго вѣроисповѣданія и при томъ принявшемъ гербы отъ поляковъ. М. К. Любавскій полагаетъ, что законоположеніе этого привилея отмѣнено было актами 1432 и 1434 годовъ: хотя послѣдующими господами Городельскій актъ и подтверждался въ полномъ составѣ, но тѣмъ не менѣе данная статья его не была дѣйствующимъ правомъ. Подтвержденіе своему взгляду авторъ находитъ въ извѣстномъ разъясненіи, данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ актѣ 1563 года, которымъ отмѣнялась соотвѣтственная статья Городельскаго акта. Такимъ образомъ М. К. Любавскій думаетъ рѣшить очень спорный и много разъ поднимавшійся въ литературѣ вопросъ; но едва ли многіе съ нимъ согласятся. Прежде всего автору слѣдовало бы опровергнуть рассказъ Кояловича о той бурѣ, которую поднялъ въ радѣ Гаштольдъ въ 1522 году при назначеніи князя К. Острожскаго воеводою троцкимъ. Далѣе автору надо было бы доказать подложность грамоты 1522 г., приводимой Петромъ Скаргой. Авторъ этого не сдѣлалъ; далѣе нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что акты 1432 и 1434 гг., рас-

нельзя руководствоваться документами, внесенными въ Литовскую Метрику: „Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ рады, каковой имѣютъ подлинныя акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи“ (стр. 374). Такое важное положеніе нельзя приводить безъ доказательствъ. Мы глубоко увѣрены, что этого и нельзя доказать, такъ какъ писари очень тщательно помѣчали перечни присутствовавшихъ пановъ радъ не только въ подлинныхъ грамотахъ, но и въ книгахъ Метрики (разумѣется, мы не говоримъ о „маманкахъ“ и лярѣдка попадающихся въ книгахъ черновикахъ). Для громаднаго большинства актовъ можно доказать, что акты сначала записались въ книги и отсюда уже копировались подлинныя.

пространія имущественныя и личныя привилегіи литовскаго боярства на русское княжье и боярство, повторяя всѣ статьи Городельскаго привилея, какъ разъ умалчиваютъ объ одиннадцатой статьѣ, именно о той, которою обусловливались политическія права католическаго боярства; русскіе получаютъ только право заимствовать гербы у польскихъ фамилій; болѣе того: въ 1484 г. Сигизмундъ Кейстутевичъ подтверждаетъ всѣ предшествующіе привилеи, т.-е. и Городельскій въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ актъ 1484 г. не отмѣнялъ одиннадцатой статьи Городельскаго. Этой отмѣны не признавало и въ 1568 году русское шляхетство и въ 1568 г. православное княжье: вѣдь въ такомъ случаѣ незачѣмъ было бы и подымать вопроса объ отмѣнѣ Городельскаго привилея. Правда, М. К. Любавскій имѣетъ въ виду официальное признаніе акта 1568 г. въ томъ, что православные фактически занимали высшіе уряды и сидѣли въ лавицѣ рады господарской. Это вѣрно, но эти примѣры единичны и, весьма вѣроятно, случайны. Напротивъ, можно привести показанія современниковъ, изъ которыхъ видно, что въ ряды высшей рады пропускались только католики. Напримѣръ, князь Семенъ Пронскій получилъ Кіевское воеводство по принятіи католичества. Объ этомъ свидѣлствуетъ Баркулабовская лѣтопись ¹⁾. Если признаемъ свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи несомнѣнно отчетливымъ, то можно еще привести показаніе одной записки, составленной въ половинѣ XVI вѣка лицомъ, хорошо усвоившимъ себѣ польскій и литовскій государственный строй. Авторъ записки говоритъ, что къ пяти высшимъ государственнымъ должностямъ—бискупа, воеводы и каштеляна виленскихъ, воеводы и каштеляна троцкихъ—не допускаются ни въ коемъ случаѣ русскіе схизматики; повидимому, и относительно остальныхъ должностей въ радѣ, кромѣ маршалковъ, гетмана и подскарбія земскаго существовало также ограниченіе для православныхъ ²⁾. Если мы сопоставимъ

¹⁾ Современникъ Берестейскаго сейма 1544 г. сохранилъ намъ слѣдующую замѣтку: „того ж сейму Берестейскаго, на которомъ сейме ихъ милость крелове обадаа были, князь Семень Глебовичъ Пронскій приимъ перу римскую, а названъ Фридрихомъ; на тотъ часъ дано ему воеводство Кіевское“ (Баркулабовская лѣтопись надана мною въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“).

²⁾ Цитуемая записка (равно какъ и свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи) осталась неизвѣстной М. К. Любавскому. Мы приведемъ соотвѣтственное мѣсто in extenso, такъ какъ оно имѣетъ громадное значеніе въ исторіи Литовско-русской рады: „*Senatus magni ducis cum quo de summa rerum consultat, constat episcopo, palatino et castellano Vilmensibus, palatino item et castellano Trocensi, qui quidem castellanus Trocensis idem est praefectus Samogitinae. Ad hos*

свидѣтельство неизвѣстнаго автора относительно недопущенія православныхъ къ пяти высшимъ должностямъ въ радѣ съ указанной статьей Городельскаго привилея, то окажется, что она примѣнялась буквально даже въ половинѣ XVI столѣтія, такъ какъ при Ягайлѣ были учреждены воеводства и каштеляніи въ Вильнѣ и Трокахъ. Относительно другихъ вѣрядовъ болѣе новаго происхожденія практика не была такъ строга ¹⁾. Приведенныя данныя и соображенія позволяютъ признать, что ограничительная для православныхъ статья Городельскаго привилея сохраняла силу закона (хотя на практикѣ отъ нея иногда отступали, что не всегда оставалось безъ возраженій) вплоть до отміны ея въ 1563 г.

Обратимся теперь къ вопросу о личномъ составѣ господарской рады. По нашему мнѣнію, М. К. Любавскій вводитъ въ раду такихъ должностныхъ лицъ, которые въ ней никогда не имѣли права засѣдать. Такими должностями были всѣ дворцовые вѣряды. Основаніемъ для введенія всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ въ раду для автора послужили доказательства двоякаго рода: во-первыхъ, перечни этихъ вѣрядниковъ, встрѣчающіеся въ господарскихъ привилеяхъ, во-вторыхъ, текстъ привилея пану Лаврину Войнѣ на подскарбство дворное; въ этомъ привилеѣ Войнѣ дается подскарбство съ правомъ „местце свое въ раде зъ вѣрядниками нашими дворными, столовыми засѣдати“ и пообщу справовати свой вѣрядъ по примѣру прежнихъ подскарбіевъ дворныхъ (стр. 341). Это даетъ поводъ автору высказать убѣжденіе, что столовые вѣрядники издавна засѣдали въ *господарской* радѣ. Надо замѣтить, что расписаніе рады обоихъ народовъ, составленное на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., не знаетъ въ составѣ рады никакихъ дворцовыхъ чиновниковъ (за исключеніемъ маршалка дворнаго). Вопросъ о составѣ рады обоихъ народовъ на Люблинскомъ сеймѣ былъ рѣшенъ окончательно, за исключеніемъ вопроса о власти маршалковъ

honores nulli Russo schismatico patet aditus. Sunt praeterea episcopi: Mednicensis, Luceoriensis et Kioviensis. Item palatini Novogrodensis, Kioviensis, Vitepcensis, Polocensis et Podlassensis. Sed hi excluduntur a secretioribus consiliis. Duces innumerabiles fere sunt ex antiquis Lituanorum et Russorum prosapia. Perpauci tamen ducatus suos habent. Et hi omnes magno sive supremo duci parent, nec ad consilium publicum pertinent, nisi si qui catholici ad honores supra memoratos a rege evehuntur, uno Slucensi excepto, ob honorem familiae Ingelloniae, qui tamen et ipse inter quinque primores consiliarios locum non habet (Scriptores rerum polonicarum, t. XV p. 173).

¹⁾ Въ Дорогичской землѣ городскіе вѣряды назначались изъ католиковъ (Początki Unii Lubelskiej przez Dr. Augusta Mosbacha. Poznan 1872 г. 123).

коронного и литовского. Все это известно и г. Любавскому, но онъ рѣшаетъ, что большая часть литовской рады просто не попала въ число рады обоихъ народовъ (столовыхъ врядниковъ г. Любавскій насчитываетъ 14), — въ томъ числѣ и оба гетмана; такимъ образомъ въ составъ рады не попалъ едва ли не самый видный, при данныхъ обстоятельствахъ, изъ представителей Литовской администраціи—гетманъ наивысшій. Во-первыхъ, актъ уніи отчетливо обезпечиваетъ сохраненіе всѣхъ врядовъ и достоинствъ великаго княжества. Сигизмундъ Августъ далъ литовцамъ клятву отстоять, при заключеніи акта уніи, достоинство всѣхъ врядовъ великаго княжества, и никто изъ современниковъ не считалъ короля клятвеннопреступникомъ. Если припомнить какъ скрупулезны были литовцы въ охраненіи достоинствъ своихъ должностей, какъ тщательно они слѣдили, чтобы даже самъ государь не учинилъ какого-нибудь „уближенія“ вряду, если вспомнить, какъ часто сеймы просили государя объ „осаженіи“ вакантныхъ врядовъ и „оздобѣ“ великаго княжества новыми,—то окажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ большая часть литовской рады отказалась отъ занимаемаго ею положенія. Очевидно потому, что всѣ эти лица и не засѣдали до 1569 года въ господарской радѣ. Странно было бы и со стороны короля подтверждать Лаврину Войниѣ прежнія прерогативы подскарбства дворнаго, когда унія была уже дѣломъ рѣшеннымъ, а подскарбій дворный въ коронной радѣ не засѣдалъ. Толкованіе текста грамоты, выданной Лаврину Войниѣ, сдѣланное г. Любавскимъ, основано на недоразумѣніи: привилей ясно говоритъ, что подскарбій дворный засѣдаетъ „*съ радѣ зъ врядниками нашими дворными, столовыми*“, т.-е. не въ господарской радѣ, а въ той радѣ—совѣтѣ, который составляется изъ дворцовыхъ чиновниковъ. Дѣло въ томъ, что дворцовые врядники составляли свой совѣтъ, свою раду, *consilium officialium et consiliarium siglae*. Въ этомъ совѣтѣ подскарбій дворный занималъ председательское мѣсто. Объ этомъ очень опредѣленно говоритъ ординація, данная въ 1539 году королемъ Сигизмундомъ I скарбовымъ чиновникамъ ¹⁾. Эта устава, безъ сомнѣнія, дѣйствовала и при литовскомъ дворѣ, такъ какъ самый врядъ подскарбства дворнаго существованъ изъ Польши, съ чѣмъ согласенъ и г. Любавскій.

Такимъ образомъ отпадаетъ одно изъ наиболее серьезныхъ доказательствъ, приведенныхъ г. Любавскимъ въ подтвержденіе его мнѣ-

¹⁾ Арх. Варш. Каз. Пал. кн. 14 В отд. VIII.

ній о составѣ рады. Другое доказательство, т.-е. перечни вриадниковъ дворныхъ на выдаваемыхъ королямъ привилегіяхъ, также должно быть устранено. Дѣятельность господаря великаго князя носила широкій публичный характеръ. Пожалованія на земли, достоинства и вриады, судъ—всѣ эти акты господарь выдавалъ въ присутствіи не только пановъ рады, но и другихъ стороннихъ лицъ. Въ числѣ ихъ были, какъ это исполнѣ естественно, и дворцовые вриадники. Они являлись свидѣтелями совершеннаго акта, почему и заносились въ списокъ лицъ, при немъ присутствовавшихъ. Въ концѣ акта, послѣ даты, писарь помѣчалъ: „при томъ были“, или „при томъ будущимъ вельможнымъ врожонимъ“, или — „при томъ были панове рады“, „*при томъ были и тому добре сведоми суть*“ и т. д., — смотря потому, какой контингентъ присутствующихъ преобладалъ, т.-е. паны рады, или (если ихъ не было, или изъ нихъ были весьма немногіе) просто паны. Далѣе, нѣкоторые дворцовые чины присутствовали при поземельныхъ пожалованіяхъ по обязанности, напримѣръ, конюшій дворный, ловчій ¹⁾, именно тогда, когда пожалованія касались подвѣдомственныхъ имъ лицъ; наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ бывали державцами дворовъ и повѣтовъ и присутствовали при дачѣ пожалованій изъ ихъ державъ. Запись всѣхъ такихъ лицъ на жалованныхъ грамотахъ была необходима: это были свидѣтели; ихъ имена нужно было помѣтить, потому что нѣкоторые господа (Казимиръ и Александръ) совсѣмъ не подписывались на жалованныхъ грамотахъ, Сигизмундъ I уже иногда подписывается и только съ Сигизмунда Августа появленіе въ актѣ „руки господарской“ сдѣлалось обычнымъ. Но можно ли, на основаніи этого перечня свидѣтелей актовъ (въ XV вѣкѣ они часто и назывались въ самомъ актѣ *ссылками*), заключать, что всѣ эти лица составляютъ государственный совѣтъ, ограничивающій въ сильной мѣрѣ государя? Едва ли. Вѣдь г. Любавскій очень и очень часто приводитъ акты, гдѣ отмѣчены только придворные чины. Если провѣрить ссылки г. Любавскаго, такихъ окажется очень много. Такъ г. Любавскій одинъ разъ встрѣтилъ въ актѣ *крайчаю великой княгини*. Казалось бы, какое отношеніе можетъ имѣть дворцовый чиновникъ великой княгини къ государственному совѣту? Почему попалъ одинъ разъ въ государственный актъ этотъ чинъ и почему онъ всегда не стоитъ въ

¹⁾ Самъ г. Любавскій въ своей книгѣ „Обл. дѣл.“ очерчиваетъ, напримѣръ, дѣятельность конюшаго дворнаго ссылками на акты, гдѣ это лицо стоитъ въ перечнѣ свидѣтелей: оказывается, дѣйствительно, что конюшій присутствовалъ при господахъ всегда, когда и пожалованіе касалось его вриады.

числѣ рады, если въ ея составѣ онъ находится? Открываемъ ссылку и встрѣчаемъ буквально слѣдующее: въ 1502 г. король Александръ пожаловалъ дворъ Струну кн. М. Микитиничу „при томъ будучимъ вельможнымъ врожонимъ“ и далѣе перечисляются нѣсколько пановъ, затѣмъ намѣстникъ пунскій п. А. И. Ходкевичъ, крайчій королевскій кн. Ю. Л. Гольшанскій, намѣстникъ виленскій п. М. Я. Бутримъ, подскарбій конюшій дворный п. М. Хребтовичъ, секретарь намѣстникъ скерстоменскій п. О. Янушковичъ, тутъ же былъ и *канцлеръ королевы* Ивашко Сопежичъ ¹⁾. Почему изъ этого акта г. Любавскій причислилъ къ радѣ только крайчаго королевы, не удостоивъ такую же честью *ея же* канцлера, намѣстниковъ пунскаго и виленскаго (замѣтимъ: намѣстникъ виленскій — *замѣститель*, т.-е. *личный слуга* воеводы виленскаго, значить даже и не государственный чиновникъ, — и все-таки помѣченъ въ актѣ)? Вѣдь ясно, что это — случайные свѣдѣтели, и актъ называетъ ихъ просто „врожонными панамъ“. На страницѣ 841 г. Любавскій утверждаетъ, что приведенныя имъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ссылки на акты подтверждаютъ его мнѣніе о присутствіи дворцовыхъ урядовъ въ радѣ. Это замѣчаніе представляется намъ неосторожнымъ: примѣчанія автора состоятъ изъ ссылокъ на книгу г. Вольфа (*Senatorowie i dygnitarze*), собственныя добавленія автора ничтожны. По непонятной причинѣ авторъ не всегда перечисляетъ всѣхъ урядниковъ, которыхъ указываетъ г. Вольфъ ²⁾.

¹⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 29.

²⁾ Напримѣръ, въ числѣ хоружихъ дворныхъ авторъ помѣщаетъ только В. Нарбутовича; у Вольфа находимъ еще Корсака Ивана. Среди хоружихъ земскихъ авторъ почему-то пропускаетъ Шмана Скиндера, Войцеха Нарбутовича и Миколая Третьяка. Среди мечниковъ пропущены Олехновичъ и Серутьевичъ. Среди конюшихъ дворныхъ — Гринъ, Мицута Богущъ, Василій Чижъ, Андрушевичъ Николай. Среди ловчихъ — Вештортовичъ, Николай Пацъ. Среди подкоморныхъ — Рынковъ Петръ и тотъ же Пацъ Николай. Среди подстолей — не видимъ Петраша, Мошвида, Яна Завишча, Цехановскаго. Среди стольниковъ — князя Януша Гольшанскаго. Среди кухмистеровъ — Андрушка, Яна Нарбута и Станислава Кезгайло. Среди крайчихъ — Монтовтовича и нѣкоторыхъ другихъ. Среди подчашихъ — Олехна Судимонтовича, Богдана Гостекаго, князя Александра Гольшанскаго и др. Авторъ выписываетъ имена урядниковъ только за время Казимира, Александра и Сигизмунда I и то съ пропусками (мы указали на пропуски только за этотъ періодъ). Ни цѣль этого списка, ни цѣль пропусковъ для насъ непонятны. Но читателя, который не сдѣлаетъ вышериведенной проверки и который не познакомится съ именами чиновъ при Сигизмундѣ-Августѣ, этотъ списокъ можетъ ввести въ заблужденіе: въ немъ, по страшной случайности, подобраны имена только высшгородныхъ урядниковъ, а худородные не попали сюда.

Кромѣ того авторъ не потрудился провѣрить ссылокъ г. Вольфа. При провѣркѣ же оказывается, что ссылки г. Вольфа далеко еще не доказываютъ даже присутствія поименованныхъ у него чиновъ въ числѣ лицъ, бывшихъ при завершеніи тѣхъ или иныхъ правительственныхъ актовъ. Слѣдовательно, не служатъ никакимъ доказательствомъ ¹⁾.

И самъ г. Вольфъ не считаетъ дворцовыхъ вранниковъ членами рады, не считаетъ ихъ даже врами, но только дигнитаріями, „достоинствами“.

Согласенъ, что есть официальные акты, гдѣ *иногда* встрѣчаются

Списокъ г. Любавскаго совпадаетъ такимъ образомъ съ его выводомъ о томъ, что въ раду попадали только богатые и знатные; но если въ него ввести и пропущенныя имена дворцовыхъ чиновъ до Сигизмунда Августа и чиновъ его правленія (въ составъ рады вѣдь нѣмѣннѣй въ послѣдній періодъ не произошло), то рада получила бы довольно демократическую окраску. Конечно, этого въ дѣйствительности не было, потому что дворцовые чины въ ней не сидѣли.

¹⁾ Если г. Любавскій предполагалъ, что ссылки г. Вольфа сдѣланы на такіе акты, подъ которыми значатся „при томъ были *наное* рады наши“, то онъ ошибся. Мы произвели довольно подробную провѣрку ссылокъ г. Вольфа. Представимъ хотя бы нѣкоторые результаты этой провѣрки. Возьмемъ, напримеръ, кухмистровъ: кухмистръ Андрей — получилъ землю; Олехновичъ Петръ — ссылка на VI Кн. Зап. Лит. не точна; Едко: въ XII Кн. Зап. Лит. на листѣ 448 упомянуть въ числѣ жертвователей Керновскаго костела, тамъ же на листѣ 108 получаетъ державу Вилькомирскую; въ Кн. XVIII получаетъ приказъ объ отводѣ земли; ссылка на Vol. Leg. — среди praesentibus названъ Юрій Петковичъ. Г. Любавскій приводитъ еще Войтеха Яновича въ числѣ кухмистровъ, но ссылки говорить слѣдующее: въ VI Кн. о яставѣ ему двора, а въ V — упомянуть въ вырокѣ господарскомъ. Ссылка г. Любавскаго на Акты Зап. Рос. т. II, № 79 для насъ непонятна: въ числѣ „при томъ были“ упомянуть панъ Станиславъ Бартошеничъ кухмистръ; но его ни г. Вольфъ, ни г. Любавскій въ число кухмистровъ не помѣщаютъ. Возьмемъ мечниковъ и провѣримъ ссылки по Вольфу: Ссылка на Ивашковича ошибочна. Ссылка на Костевича говоритъ о порученіи ему, какъ державцѣ, отвести землю, Кн. Зап. Лит. VIII; Щитовичъ получалъ дачу изъ скарба, Едко — отводить землю; г. Любавскій прибавилъ ссылку на архивъ Сангушекъ: тамъ среди praesentibus magnificis generosis et nobilibus упомянуть Янушъ Костевичъ-мечникъ. Возьмемъ подкоморіевъ. Сначала по Вольфу: Ринко приказывалъ дать землю Мицутѣ; Радивиловичъ Петръ получаетъ подтвержденіе данины и купилъ; ссылка на Vol. Leg. — актъ 1499 г., который заключаетъ universitas terriginarum Magni Ducatus Lithuaniae; Нарбутновичъ — свидѣтель завѣщанія великаго князя Александра; Довойновичъ упомянуть въ господарскомъ привилеѣ въ числѣ „при томъ были“. Ссылка на него г. Любавскаго въ Кн. Зап. Лит. VII — praesentibus testibus, ссылка его же на архивъ Сангушекъ — praesentibus magnificis и т. д. Въ такомъ же родѣ можно бы провести множество провѣрочныхъ цитатъ, но и изъ предыдущаго ясно, какое отношеніе къ господарской радѣ имѣютъ ссылки въ книгѣ г. Вольфа.

нѣкоторые придворные чины въ концѣ списка пановъ *рады*. Мы говоримъ не о жалованныхъ грамотахъ (повторяемъ, что ихъ никоимъ образомъ въ расчетъ принимать нельзя), но объ актахъ, исходявшихъ изъ совѣщанія пановъ *рады*, какъ членовъ государственнаго совѣта. Напримѣръ, въ 1501 г. великій князь Александръ заключаетъ договоръ съ Ливоніей и подписываетъ его *cum omnibus consiliariis*; дѣйствительно составъ *рады* полный. Тутъ встрѣчается и Петръ Олехновичъ—*magister coquinae curiae Domini magni ducis*, и Николай Нарбутовичъ, который тогда, повидимому, не занималъ никакой должности; всѣ остальные *consilarii*—бискупъ виленскій, воеводы, каштеляны, старосты, подскарбій Ѳедько Хребтовичъ; разумѣется, по обыкновенію, многіе изъ старостъ одновременно занимаютъ и высшія придворныя должности ¹⁾. Въ договорѣ тоже съ Ливоніей встрѣчаемъ въ спискѣ *рады* и подчашаго Николая Кишку, старосту дорогичаго и стольника Николая Олехновича Дорогостайскаго, нѣсколькихъ маршалковъ и 4 писарей ²⁾. Можно бы привести и другіе примѣры такого же рода, т.-е. акты, свидѣтельствованіе которыхъ могло принадлежать только господарской радѣ; но въ этихъ актахъ мы встрѣчаемъ маршалковъ и представителей всего только двухъ, трехъ высшихъ придворныхъ должностей: крайчаго, подчашаго, стольника, подкоморія. О маршалкахъ мы скажемъ особо. Появленіе же въ актахъ указанныхъ придворныхъ чиновъ вовсе еще не указываетъ на ихъ право засѣдать въ государственномъ совѣтѣ и обсуждать государственныя дѣла. Подкоморій, такъ сказать, былъ однимъ глазомъ и ухомъ въ радѣ, потому что стоялъ у дверей ея; поэтому-то его имя и понадеваетъ въ нѣкоторые торжественные акты ³⁾; присутствіе же другихъ дворцовыхъ чиновъ объясняется, вѣроятно, обычаями, существовавшимъ и въ Польшѣ: знатное юношество допускалось къ присутствію въ радѣ,—конечно для пріученія къ государственнымъ дѣламъ ⁴⁾. И дѣйствительно, послѣднія должности зани-

¹⁾ Codex Diplomaticus Dugeli, т. V, p. 160; ср. p. 166.

²⁾ Ibidem, p. 277.

³⁾ Такъ, конечно, надо полагать, потому что дворъ великаго князя литовскаго былъ устроенъ по образцу двора короля польскаго. Вотъ какъ говоритъ Кромеръ въ своемъ извѣстномъ описаніи государственнаго строя Польши о должности подкоморія: „Putantur et succamerarii aditum habere ad locum habendi senatus claudendi et aperiendi ostij causa, idque in suo tantum quisque territorio“. Polonia sine de situ, populi, etc. Authore Martino Cromero. Coloniae, 1578, p. 112.

⁴⁾ Пользуемся и въ данномъ случаѣ свидѣтельствомъ названнаго автора. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ обычаѣ, существовавшемъ въ польскомъ се-

мались представителями первостепенной знати: Радзивилами, князьями Гольшанскими, Нарбутовичами, Заберезинскими, Завишчами, между тѣмъ какъ въ должности конюшихъ, ловчихъ, хоружихъ проникаютъ большею частію низшіе роды въ родѣ Кунцевичей, Чижей, Волчковичей, Андрушевичей, дѣловитые иностранцы какъ Ярошъ Корицкій, Яковъ Пясецкій (конюшіе); Войтекъ Ясенскій попалъ въ кухмистры господарскіе изъ кухмистровъ бискупа виленскаго; среди кухмистровъ встрѣчаемъ также нѣкоего Сигмунда Фанеля—совсѣмъ неизвѣстное лицо, очевидно нѣмецъ; среди подскарбіевъ дворныхъ встрѣчаемъ Станислава Влошка и т. д. Въдь если бы дѣйствительно ввести въ господарскую раду, вмѣстѣ съ г. Любавскимъ, представителей всѣхъ дворцовыхъ должностей, то долженъ бы рухнуть и основной выводъ автора о томъ, что въ радѣ засѣдали самые богатые и знатные; мало того, окажется, что въ нее даже попадали не литовцы (что противорѣчило бы и статуту и вѣковымъ традиціямъ) и даже люди, шляхетство которыхъ не всегда можно разыскать въ гербовникахъ. Вообще, повторяемъ, по перечню лицъ, поименованныхъ въ привилеяхъ, нельзя заключать объ ихъ принадлежности къ государственному совѣту ¹⁾).

Итакъ, все вышесказанное уполномочиваетъ сдѣлать тотъ выводъ, что почтенный авторъ построилъ заключенія и выводы о составѣ господарской рады на фактахъ, невѣрно имъ понятыхъ.

Есть прямые свидѣтельства, вполне объясняющія составъ и строй

натѣ: „Iam et Senatorum primariorum praesertim, filios adolescentes admitti in Senatum non inusitatum est. Quanquam solent et ij sacramento adigi in numero secretariorum, quo liberius intersint consilijs“. (Цит. стр.). Въ Литвѣ однако секретари набирались изъ дѣловыхъ людей, а „панята“, т.-е. знатное юношество, начинали свою службу съ придворныхъ должностей, какъ столыльники, крайчіи, подчасіи, подкоморіи, т.-е., соединенныхъ только съ почетными обязанностями.

¹⁾ Для подтвержденія сказаннаго достаточно привести такой, наприхѣръ, фактъ. Въ 1564 г., на основаніи сеймоваго постановленія, изданъ господаремъ законодательный актъ первостепенной важности о новыхъ земскихъ судахъ. Въ немъ встрѣчаемъ перечень: „при томъ были и того добре свѣдоми“ и длиннѣйшій списокъ присутствовавшихъ лицъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ князь бискупъ, воеводѣ, каштелянъ, маршалъ дворнаго и подскарбіа земскаго, пяти князей, изъ которыхъ двое не были даже держанцами, нѣкоторыхъ дворцовыхъ врядинъ (подчашаго, крайчаго, мечника, чашика), маршалковъ и „днне панове врядинки, старосты, державцы, тивунове земли Жимоитское хоружіе, послове зо всякъ земель и раздѣлать поветовъ того панства нашего великого князства и множество шляхты рыцарства нашего“. (Перепечатанъ въ приложеніи у г. Любавскаго, № 43).

господарской рады великаго княжества Литовскаго. Къ сожалѣнію, г. Любавскій этими фактами не воспользовался: одни изъ нихъ остались автору неизвѣстными, другіе оставлены имъ безъ вниманія.

Прежде всего обратимся къ свидѣтельству современника, именно, къ запискѣ, составленной въ половинѣ XVI вѣка неизвѣстнымъ авторомъ. Тщательное знакомство автора съ государственнымъ строемъ Польши и Литвы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ очень тонко опредѣляетъ составъ господарской рады великаго княжества Литовскаго. Онъ въ ней различаетъ три слоя: сенатъ великаго княжества, говоритъ онъ, состоитъ изъ епископа, воеводы и каштеляна виленскихъ, воеводы и каштеляна троцкихъ; въ данное время каштелянъ троцкій занимаетъ еще и должность старосты жмудскаго (это былъ Іеронимъ Александровичъ Ходкевичъ). Къ этимъ должностямъ не допускаются русскіе схизматики. Сверхъ того въ радѣ имѣютъ мѣсто бискупы медницкій, луцкій и кіевскій, воеводы новгородскій, кіевскій, витебскій, полоцкій и подляшскій. Но послѣдніе 8 врьдовъ *excluduntur a secretioribus consillis*. Въ одинаковомъ съ послѣдними положеніи находится и князь Слуцкій вслѣдствіе его родства съ фамиліей Ягеллоновъ. Всего, слѣдовательно, въ радѣ засѣдало 15 магистратовъ. Какъ видимъ, авторъ различаетъ два слоя рады: болѣе тѣсный кругъ ея, состоящій всего изъ пяти магистратовъ, и второй расширенный ея составъ. Первый какъ разъ соотвѣтствуетъ тому, который намѣченъ еще одиннадцатой статьёй Городельской уніи. Но далѣе авторъ говоритъ о томъ, что въ Литвѣ есть 14 маршалковъ (одинъ земскій, одинъ дворный и 12 территоріальныхъ), канцлеръ и гетманъ. Всѣхъ маршалковъ и двухъ послѣднихъ врьдниковъ авторъ *называетъ магистратами*; обычно, четыре изъ послѣднихъ должностей, т.-е., маршалка земскаго, маршалка дворнаго, канцлера и гетмана занимаются представителями высшей рады—*primores consiliarii*. Слѣдовательно, верхніе два слоя рады—*primores consiliarii*, маршалковъ же, канцлера и гетмана мы смѣло можемъ назвать—*minores consiliarii*, по аналогіи съ Польшей. *Minores consiliarii*—третій слой рады, почетныхъ совѣтниковъ. Перечисляя далѣе составъ придворныхъ чиновъ, авторъ называетъ ихъ *honorati*, но не *magistratus*. Хоружіе не входятъ даже въ число *honorati*. Такимъ образомъ авторъ записки совершенно исключаетъ изъ рады всѣ дворцовыя должности. Единственный дефектъ источника—пропускъ обоихъ подскарбіевъ ¹⁾.

¹⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. XIV, см. выше въ примѣч.

Но можно бы возразить, что авторъ (быть можетъ, онъ былъ иностранецъ, агентъ римской куріи) ошибается, будучи незнакомъ съ государственнымъ строемъ Литвы. Но для проверки его можно привлечь и источники литовско-русскіе, — уже показанія официальныхъ актовъ.

Намъ кажется, что радой, т.-е. членами государственнаго совѣта, имѣющими въ немъ право голоса, надо считать не тѣхъ лицъ, которыя стоятъ въ качествѣ свидѣтелей совершенныхъ въ ихъ присутствіи актовъ, но такихъ, которыхъ акты непосредственно именуютъ панамъ радой. У господаря великаго князя литовскаго было множество поводовъ для того, чтобы перечислить поименно весь составъ своей рады и даже отгнѣнить, какихъ радъ онъ считаетъ въ качествѣ *primo* и какихъ — *secundo*. Господарь подолгу жила въ Польшѣ и сносился съ радой письменно. Сигизмундъ I чаще передавалъ свои приказанія и сужденія панамъ радъ устно, черезъ особыхъ посланцевъ (обычно тоже членовъ рады). Имъ самимъ или въ его канцеляріи составлялся только конспектъ того, что посланцы должны были говорить панамъ радъ въ ихъ собраніи. Въ конспектахъ конечно рады не назывались поименно. Но со второй половины своего великокняженія Сигизмундъ I уже часто прямо пишетъ листы радъ, а его сынъ всегда пишетъ листы на имя рады. Очевидно, господарь знаетъ составъ своихъ совѣтниковъ, а литовскій господарь и не рѣшится пропустить именъ и титуловъ своихъ совѣтниковъ: любой шляхтичъ поднялъ бы бурю за „уближеніе“ „защности“ своего вряда. Притомъ королевскихъ писемъ слишкомъ много для того, чтобы предположить случайные ихъ пропуски.

Посмотримъ, кого же сами великіе князья литовскіе *официально* называли своею „вѣрною радой“ и къ кому они обращались за совѣтомъ въ цѣляхъ государственнаго управленія.

Въ посланіяхъ къ панамъ радъ господари неизмѣнно обращаются только къ бискупамъ, воеводамъ, каштелянамъ, канцлеру, маршалку земскому и подскарбію земскому. Правда, въ этихъ обращеніяхъ фигурируетъ то одинъ только верхній слой рады, то вся она (безъ маршалковъ однако). Къ этимъ только двумъ элементамъ господарской рады государь обращается съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе по тому или иному вопросу или же привести въ исполненіе тѣ или другія распоряженія; слѣдовательно, только этотъ составъ рады и надо признавать правительственнымъ органомъ. Надо сдѣлать оговорку, что въ господарскихъ листахъ къ радъ мы иногда встрѣ-

чаемъ пропускъ имени одного—другого радного пана. Это, конечно, объясняется какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ, напримѣръ, нахожденіемъ даннаго лица при господарѣ въ Польшѣ; но для насъ самымъ вѣскимъ подтвержденіемъ нашего взгляда на составъ рады служить то обстоятельство, что господарскія посланія *никогда* не адресуются къ маршалкамъ или къ придворнымъ чинамъ. Когда король подъѣзжалъ изъ Польши къ Литвѣ, онъ черезъ подскарбія земскаго и канцлера разсылалъ панамъ радѣ письма съ извѣщеніемъ о времени своего пріѣзда и съ приглашеніемъ прибыть на совѣщаніе. 15-го августа 1552 года изъ Данцига королемъ были посланы листы слѣдующимъ членамъ рады: бискупамъ виленскому, луцкому, жомойтскому, кievскому, воеводѣ виленскому и канцлеру, пану виленскому, воеводѣ троцкому, пану троцкому, воеводѣ полоцкому, воеводѣ витебскому и воеводѣ подляшскому ¹⁾. Данные листы проходили черезъ руки подскарбія земскаго, который въ это время былъ и воеводой новгородскимъ, и маршалкомъ дворнымъ; ему господарь тоже пишетъ и особый листъ. Но замѣчательно, что о приглашеніи многочисленныхъ маршалковъ и придворныхъ должностей, какъ членовъ рады, нѣтъ и помину. Въ господарской канцеляріи были списки всѣхъ должностей. Эти списки составлялись для того, чтобы разсылать въ извѣстномъ порядкѣ листы изъ канцеляріи. „Порядокъ писанья листовъ“ всегда строго соблюдался, а должности располагались по ихъ значенію въ государственной іерархіи. Такъ, въ спискахъ, составленныхъ, напримѣръ, въ 1551—1552 гг., поименованы въ числѣ пановъ радѣ бискупы, воеводы, каштеляны, маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, князь Слуцкій, маршалокъ земли Волинской. Между тѣмъ ярядники дворные и маршалки господарскіе стоятъ подъ особыми рубриками ²⁾.

Если бы указанные факты показались внушающими сомнѣніе, то можно обратить вниманіе еще на слѣдующее: нѣкоторые акты составлялись несомнѣнно въ присутствіи всей рады и притомъ при такой обстановкѣ, которая внушаетъ довѣріе къ полнотѣ ея состава. Напримѣръ, въ 1554 г. господарь имѣлъ „панову“ съ панами радами о нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ. Это несомнѣнно протоколъ засѣданія пановъ радныхъ, происходившаго на сеймѣ. Естественно было бы встрѣтить въ числѣ совѣтниковъ и дворцовыхъ чи-

¹⁾ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 87.

²⁾ Издавы въ приложеніи у Любавскаго, р. 52—66.

новъ и маршалковъ, такъ какъ они приглашались на сеймы и сверхъ того должны были исправлять свои вранья. Однако, въ числѣ присутствующихъ были три бискупа, воевода виленскій, маршалокъ земскій, канцлеръ, панъ виленскій, воевода троцкій, панъ троцкій, староста жмудскій, воевода кievскій, воевода полоцкій, воевода новгородскій, маршалокъ дворный и подскарбіи земскій и воевода витебскій ¹⁾. Укажемъ еще на одно очень характерное показаніе актовъ. Въ 1538 г. паны рада и сеймовая шляхта просили великаго князя замѣстить вакантныя мѣста въ радѣ. Въ своемъ посланіи къ великому князю станы указывали на то, что на сеймѣ бываетъ очень мало пановъ радныхъ—только воевода виленскій, панъ виленскій, староста жмудскій, воевода новгородскій и воевода подляшскій; воеводы же кievскій, полоцкій и витебскій не бываютъ на сеймахъ, такъ какъ сидятъ въ своихъ замкахъ. Станы просятъ замѣстить вакантныя должности воеводы троцкаго, каштеляна троцкаго и маршалство земское „и тымъ раду свою помножить“: „гдѣ много головъ, тамъ болшъ розумовъ“, — подкрѣпляло свою просьбу сеймовое собраніе ²⁾. Если припомнимъ, что канцлерство всегда соединялось съ воеводствомъ виленскимъ, а воевода новгородскій въ то время былъ маршалкомъ дворнымъ и подскарбіемъ земскимъ, то видимъ, что сеймовые станы перечислили весь составъ свѣтскихъ пановъ радѣ. Станамъ сейма не зачѣмъ было бы хлопотать о привлеченіи въ раду новыхъ тронхъ лицъ, если бы онъ былъ столь многоголовымъ, какъ это предполагаетъ М. К. Любавскій.

Вопросъ о составѣ рады слѣдуетъ закончить указаніемъ на то, какое положеніе по отношенію къ ней занимали маршалки господарскіе и гетманъ.

Маршалки, дѣйствительно, появляются въ числѣ пановъ рады въ нѣкоторыхъ актахъ, не носящихъ характера будничной дѣятельности совѣта. На Люблинскомъ сеймѣ, когда распредѣляли мѣста для рады обоихъ народовъ, явилось затрудненіе, куда размѣстить маршалковъ, такъ какъ это была единственная должность въ Литвѣ, которая не имѣла соотвѣтствія въ польской іерархіи. Вопросъ о положеніи маршалковъ въ новой радѣ былъ рѣшенъ уже по смерти Сигизмунда-Августа декретомъ пановъ радѣ обоихъ народовъ отъ 31-го августа 1572 г. Этотъ декретъ для насъ очень важенъ тѣмъ, что разъясня-

¹⁾ Въ приложеніи у г. Любавскаго, стр. 75.

²⁾ Акти Южн. Зап. Рос. I, р. 96.

еть положеніе маршалковъ въ господарской радѣ великаго княжества Литовскаго до 1569 г. Здѣсь буквально говорится, что маршалки и въ Литвѣ имѣли мѣста на сеймахъ, подобно тому какъ каштеляны меньшіе въ Коронѣ и за присягою допускались въ раду, получая здѣсь назначенныя мѣста ¹⁾. Положеніе каштеляновъ меньшихъ въ коронной радѣ извѣстно ²⁾. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что должности маршалковъ встрѣчаются тамъ, гдѣ рада выступаетъ съ особыми торжественными актами и что для введенія нѣкоторыхъ маршалковъ въ активную часть рады требовалось изданіе особыхъ господарскихъ привилеевъ.

Возбуждаетъ большое сомнѣніе и принадлежность гетмана най-высшаго, по своей должности, къ господарской радѣ. Должность эта польскаго происхожденія и притомъ сравнительно поздняя. Въ Литвѣ и Польшѣ гетманы появляются почти одновременно, почти одинаковымъ образомъ и вслѣдствіе аналогичныхъ причинъ. Въмѣсто назначаемыхъ каждый разъ особо вождей, о чемъ упоминаютъ и польскіе и литовскіе хроникеры, появляется къ концу XV вѣка разъ назначенное должностное лицо, готовое во всякій моментъ, по приказаніямъ государя, стать во главѣ войска. Первоначальная задача, какъ короннаго, такъ и литовскаго гетмановъ — защита Украины противъ татаръ. Какъ въ Литвѣ, такъ и въ Коронѣ врядъ гетманства соединяется съ одною изъ высшихъ должностей государства. Такимъ образомъ гетманъ попадаетъ въ раду; но не булава даетъ ему это мѣсто, а соединенная съ нею должность. Аналогія положенія гетмана въ Литвѣ и въ Коронѣ столь полная, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ литовскомъ сенатѣ гетманъ не занималъ мѣста. Уже предшествующія указанія о составѣ рады уполномочиваютъ на такой выводъ. Но слѣдуетъ еще помнить, что гетманъ даже въ моментъ Люблинской уніи не былъ „присяжнымъ“ врядомъ, т.-е. не приносилъ присяги государству; въ раду же не допускались не присяжные члены. Хотя на Люблинскомъ сеймѣ и подымался вопросъ о правахъ гетмана и введенія его въ раду, но не получилъ окончательнаго рѣшенія и гетманы не стоятъ въ спискѣ должностей, составленномъ въ 1569 году.

Сигизмундъ-Августъ не довѣрялъ гетману въ случаѣ безкоролья ³⁾. Этимъ только и объясняется тотъ фактъ, что важнѣйшій

¹⁾ Biblioteka Ordynacji Krasieńskich. Rok 1571, p. 422.

²⁾ Cromei Polonia и пр., p. 114.

³⁾ О гетманахъ смотри въ Монографіяхъ Бартошевича, Dzieln, т. VIII.

членъ литовско-русскаго правительства (такое было въ данное время фактическое положеніе гетмана) не попалъ въ государственный совѣтъ. Прибавимъ два замѣчанія. Въ Польшѣ гетманская должность, не получивъ мѣста въ радѣ, считалась однако въ числѣ магистратовъ (*Numerantur etiam inter Magistratus et officiales regni duo duces exercitus: quorum alter generalis et supremus exercituum regni capitaneus alter campiductor, seu campestris Capitaneus dicitur*) ¹⁾, что, какъ мы видѣли, было и въ Литвѣ. Далѣе подобно литовскому гетману и имя короннаго можно встрѣтить въ перечнѣ актовъ, когда гетманъ не занималъ другой должности ²⁾.

Мы остановились довольно подробно на вопросѣ о составѣ господарской рады, но наше вниманіе къ нему объясняется тѣмъ громаднымъ значеніемъ, которое имѣетъ этотъ институтъ въ исторіи Литовско-русскаго государства. Правильное пониманіе состава и функций господарской рады важно не только для исторіи сейма, но также и для всего государственнаго и общественнаго строя.

Вышеприведенныя замѣчанія, какъ намъ кажется, уполномочиваютъ на нижеслѣдующія заключенія. Господарская рада состояла изъ трехъ слоевъ. *Res secretiores* подлежали вѣдѣнію высшей рады, состоявшей всего изъ пяти чиновъ (бискупа виленскаго, воеводы и каштеляна виленскихъ, воеводы и каштеляна троцкихъ); обычный составъ совѣта состоялъ, кромѣ названныхъ лицъ, еще изъ тронхъ бискуповъ (кіевскаго, луцкаго и жмудскаго), воеводъ (полоцкаго, кіевскаго, новгородскаго, витебскаго и подляшскаго) ³⁾, двухъ старостъ (жмудскаго и луцкаго), подскарбія земскаго и маршалковъ земскаго и дворнаго. Князь Слуцкій считался членомъ рады, имѣлъ въ ней мѣсто, но фактически не игралъ активной роли. Маршалки появлялись въ радѣ какъ низшіе ея члены только въ исключительныхъ случаяхъ. Секретари появились въ радѣ въ качествѣ ея обычныхъ членовъ только въ шестидесятыхъ годахъ. Придворныя должности не имѣли мѣста въ радѣ. Православные по закону не допускались, по крайней мѣрѣ въ „преднѣйшую“ раду. Гетманъ также не имѣлъ мѣста въ радѣ.

Такой составъ рады отнялся къ концу XV в. и функционировалъ въ теченіе всего великокняженія Сигизмунда I^{го} при его сынѣ до 1566 г. ⁴⁾.

¹⁾ Cromer, Polonia, p. 118.

²⁾ Bartoszewicz, Dzieła, VIII, p. 346.

³⁾ И смоленскаго до перехода города къ Москвѣ.

⁴⁾ Справедливо отмѣтить слѣдующее: М. К. Любавскій, повидимому, замѣ-

Рада въ указываемомъ составѣ отлилась уже при Казимирѣ. Составъ господарской рады имѣеть историческое происхожденіе. Основа ея—совѣтъ удѣльныхъ князей и мѣстныхъ правителей. По мѣрѣ паденія удѣльнаго княжья представители его теряють мѣста въ радѣ и въ концѣ концовъ въ ней остался только князь Слуцкій. Зато по мѣрѣ присоединенія новыхъ областей, въ радѣ занимають мѣста представители ихъ — намѣстники (потомъ называвшіеся воеводами); такъ, въ радѣ появляются намѣстники смоленскій, кіевскій, староста луцкій. Сверхъ того въ раду входятъ дворцовые чиновники неликаго князя, — канцлеръ, маршалокъ земскій и маршалокъ дворный, подскарбій земскій; должность гетмана появилась позже другихъ, когда, очевидно, рада уже окончательно сформировалась, почему онъ и не попалъ въ ея составъ. Несмотря на громадное значеніе въ государствѣ двухъ первыхъ должностей дворцоваго происхожденія, онѣ занимали предпоследнія мѣста въ радѣ, очевидно, именно въ силу своего дворцоваго происхожденія. Подскарбій земскій появился въ радѣ позже другихъ ея членовъ, почему и занялъ последнее мѣсто (за

тъ, что составъ рады не однороденъ по своему значенію. Онъ также не могъ не замѣтить, что рада фактически никогда не выступаетъ въ томъ объемѣ, какой предполагаетъ авторъ; по вотъ, что мы у него встрѣчаемъ по тому и другому поводу. Говоря о порядкѣ мѣстъ, занимаемыхъ чинами рады, г. Любавскій бросаетъ такое замѣчаніе: „изъ всего сказаннаго явствуетъ, что нѣмѣстный порядокъ мѣстъ держался наиболѣе устойчиво въ той части господарской рады, которая носила названіе передней или наивысшей рады и которая состояла изъ воеводъ, каштеляновъ виленскаго и троцкаго, старостъ луцкаго и городенскаго, гетмановъ и маршалковъ земскаго и дворнаго“ (стр. 346). Очевидно для того, чтобы объяснить, почему фактически рада дѣйствовала въ иномъ составѣ, чѣмъ предполагаетъ авторъ, онъ бросаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ обычное время господарскую раду составляли всѣ тѣ члены ея, которые въ данный моментъ находились при господарѣ, а въ отсутствіе господаря — въ Вильнѣ. Чаше всего поэтому господарская рада составлялась изъ бискуповъ виленскаго и жмудскаго, воеводы и пана виленскихъ, воеводы и пана троцкихъ, старосты жмудскаго, маршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго, которые пребывали либо въ Вильнѣ, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и потому легче и скорѣе другихъ могли быть въ сборѣ. Но по временамъ Сигизмундъ издавалъ спеціальныя распоряженія, кому изъ пановъ рады оставаться въ Вильнѣ. Поэтому, напр., и свой приказъ разсудить пана Юрія Миколаевича Радивила съ его невѣсткою объ имѣніяхъ Сигизмундъ отдалъ (7-го октября 1580 г.) панамъ радѣ великаго княжества „тѣмъ которымъ тыхъ часовъ для справъ земскихъ казали есмы въехати до Вильни“ (стр. 381—382). Мы приведемъ цѣликомъ оба замѣчанія г. Любавскаго во изъясненіе какихъ-либо недоразумѣній, и предоставляемъ читателю судить, чѣмъ отличаются эти замѣчанія отъ высказываемаго нами мнѣнія.

нимъ шли маршалки). Подскарбій вошелъ въ раду, быть можетъ, въ концѣ великокняженія Казимира: только около девяностыхъ годовъ XV в. подскарбій начинаетъ называться земскимъ и за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ уже появляется другой подскарбій—дворный. Быть можетъ, поэтому весьма не случайно обмолвка одной грамоты: Оедько Хребтовичъ, совершая 24-го апрѣля 1491 г. продажную запись, такъ себя называетъ: „я, Оедько Богдановичъ Хребтовича подскарбій *первый* земскій господаря короля его милости“¹⁾). Это дѣйствительно самое раннее упоминаніе о подскарбіи земскомъ, и съ этого времени онъ уже встрѣчается въ актахъ. Вполнѣ возможно, поэтому, что около этого времени Оедько Хребтовичъ дѣйствительно сдѣлался первымъ подскарбіемъ земскимъ.

Соображая все вышесказанное, можно утверждать, что господарская рада окончательно оформилась только къ концу великокняженія Казимира. Съ другой стороны, такъ какъ рада оставалась въ такомъ видѣ во все послѣдующее время, то можно предположить, что привилей 1492 г. окончательно скрѣпилъ ея составъ. По этому привилею рада получила очень широкія права, почему оказалось вполнѣ своевременнымъ опредѣлить и ея составъ.

Вышеприведенныя замѣчанія намъ казались не бесполезнымъ привести, потому что М. К. Любавскій совершенно опускаетъ вопросъ о появленіи въ радѣ отдѣльных ея членовъ. Между тѣмъ эти наблюденія объясняютъ многое при изученіи дѣятельности господарской рады.

Вообще дѣятельность господарской рады, какъ государственнаго организма, у М. К. Любавскаго изложена въ очень общихъ чертахъ; о многихъ сторонахъ ея, напр., о судебномъ значеніи рады кое-что изложено сбивчиво, недостаточно обосновано. Напр., по вопросу о пожалованіи господаремъ имѣній г. Любавскій то утверждаетъ, что господарь долженъ былъ совѣтоваться съ панами радюю, то не долженъ былъ (стр. 183, 379, 412) и т. д. Вообще М. К. Любавскій въ этомъ случаѣ допустилъ ту же ошибку, въ которой онъ упрекаетъ Бершадскаго: онъ не отдѣлилъ судебной, законодательной и административной роли рады. Это произошло оттого, какъ намъ кажется, что М. К. Любавскій нигдѣ не далъ себѣ труда выяснитъ постепенное сокращеніе власти государя и не обратилъ должнаго вниманія на основные моменты въ исторіи рады—привилей 1413 и 1492 гг.

По имѣнію М. К. Любавскаго при первыхъ князьяхъ рада была

¹⁾ Arch. Sang. т. I, p. 95.

совѣтомъ, къ которому великій князь обращался тогда, когда хотѣлъ, и только съ Казимира рада выступаетъ, какъ самостоятельный политическій органъ (стр. 367). Болѣе того: рада не участвуетъ въ политическихъ дѣлахъ до эпохи Витовта и о ея существованіи можно заключать только по аналогіи съ русскими землями (стр. 318).

Это приводитъ насъ къ вопросу о происхожденіи рады. Если припомнимъ, что литовцы находятся въ постоянномъ общеніи съ населеніемъ Полоцкой и Смоленской земель съ половины XII вѣка, то аналогія въ данномъ случаѣ — почти доказательство. Но имѣются факты, подтверждающіе существованіе боярскаго совѣта при великихъ князьяхъ литовскихъ съ половины XIII вѣка ¹⁾.

У Гедимины былъ совѣтъ почти въ 20 *consiliariorum* ²⁾; вообще М. К. Любавскій не обратилъ никакого вниманія на условія государственной жизни Литвы до Ягайлы. Изученіе фактовъ предшествующаго времени съ несомнѣнностью приводитъ къ убѣжденію, что государственная рада не внезапно появилась при Витовтѣ ³⁾, что она дѣйствовала вмѣстѣ съ княземъ въ теченіе всей предшествующей политической жизни Литвы, что наконецъ она является учрежденіемъ, органически выросшимъ въ условіяхъ образованія государства ⁴⁾; давнее существованіе учрежденія создало извѣстныя традиции въ отношеніяхъ князей къ лучшимъ представителямъ боярства и боярство привыкло къ политической работѣ въ великокняжескомъ совѣтѣ. Этотъ совѣтъ однако не имѣлъ политической санкции. Таковую онъ получилъ въ 1413 г. Въ этомъ смыслѣ, думается, надо понимать одиннадцатую статью Городедьскаго привилея. М. К. Любавскій игнорируетъ ее, не придавая ей, очевидно, значенія. Между тѣмъ въ ней говорится, что въ Литвѣ великій князь учреждаетъ такіе же должности, какъ и въ Польшѣ, а именно: воеводства и каштеляніи въ Вильнѣ и въ Трокахъ; въ будущемъ могутъ быть учреждены такіе же вѣнды и въ другихъ мѣстахъ. Къ этимъ мѣстамъ не допускаются не католики. Представители этихъ вѣндовъ допускаются въ великокняжескій совѣтъ и будутъ занимать

¹⁾ *Довнар-Запольскій*, Государственное хозяйство В. кн. Лит. при Ягеллонахъ, р. 73.

²⁾ Prochaska, Przyczynki krytyczne do dziejow Unii (Rozprawy Akademii Umiejetnosci. Wydział historyczno-filozoficzny. Serja II. Tom VIII, р. 57).

³⁾ Г. Любавскій даже отрицаетъ возможность подобнаго рода совѣщаній великаго князя съ боярствомъ (см. стр. 44).

⁴⁾ *Довнар-Запольскій*, Государственное хозяйство, гл. первая.

въ немъ мѣсто при обсужденіи государственныхъ вопросовъ (*ad consilia* ¹⁾ *nostra admittantur, et eis intersint dum pro bono publico tractatus celebrantur*). Эту статью слѣдуетъ понимать не иначе, какъ формальное обязательство со стороны великаго князя рѣшать государственныя дѣла совместно съ своими совѣтниками. Прибавивъ бискупа виленскаго, мы въ этой статьѣ какъ разъ находимъ объясненіе тому факту, что старшая рада изъ пяти лицъ имѣла преобладающее значеніе въ теченіе всего изучаемаго періода. Эта статья объясняетъ также, почему въ послѣдующее время въ раду приходили начальники областей. О какихъ дѣлахъ великій князь обязанъ совѣтоваться съ радой, — привилей не говорить. Но, вѣроятно, и тогда уже разумѣлся опредѣленный кругъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію въ совѣтѣ. Конституція 1492 г. опредѣленно очертила этотъ циклъ обсуждаемыхъ дѣлъ. М. К. Любавскій только въ правленіи Казимира находитъ документы активной дѣятельности рады и тѣмъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе о ростѣ ея политическаго значенія въ этомъ періодѣ. Можно бы прибавить, что рада много выиграла въ малолѣтство Казимира ²⁾; но съ другой стороны можно указать на очень важные факты проявленія активной дѣятельности рады и въ болѣе ранній періодъ ³⁾. Это подтверждаетъ высказанное мнѣніе, что рада

¹⁾ *Ad consilia* — переводъ сл. *на думи*, — термина, употребляемаго соврем. лит. лѣтописью.

²⁾ *Доснарь-Затомскій*, Государственное хозяйство, стр. 69.

³⁾ Приведемъ цѣликомъ посланіе рады Сигизмунда Кейстутевича къ польскому королю Владиславу. Документъ безъ даты, но, повидимому, относится къ 1437 году (тогда Свидригайло пытался заключить мирный договоръ съ Польшою). Мы уже имѣли случай сослаться на печати на этотъ документъ, но теперь видимъ необходимость привести его цѣликомъ. Посланіе рады Сигизмунда Кейстутевича не только важно, какъ актъ политической дѣятельности рады, но включаетъ еще въ себѣ и любопытныя бытовыя подробности:

„Господиу великому королю полскому, литовскому, рускому и инымъ. Мы, князь Метей, бискупъ виленскій богомолецъ нашъ, князь Олександръ Володимировичъ, князь Семень Ивановичъ и вси князи, такожъ панове Остихъ Виленскій, панъ Кведикголдъ Довжгирдъ, виленскій воевода, Суньгаты троцкій панъ, воевода троцкій Ходко, Петрашъ, Кгерстовъ и вси панове, бояре и вся Литовская земля чоломъ бьемъ. Псали ваша милость къ брату вашему осподарю нашему великому князю Жигимонту, штожь оузли есте перемирье съ нѣмци до Рожтва Хѣ. А осподари нашего великого князя оу тожь перемирье вопсали есте. За то вашей милости чоломъ бьемъ, ради есмо вашу волю чинити, съ нѣмци то перемирье держати. Но пишете ваша милость, жибъ князю Швитригайлу в томъ жо перемирьи быти. И мы со княземъ Швитригайломъ не хочомъ пере-

послѣ 1413 г. имѣла извѣстныя политическія права. Если бы М. К. Либавскій потрудился сопоставить, какія дѣла до 1492 г. подлежали совмѣстной дѣятельности господаря и его рады, то онъ несомнѣнно пришелъ бы къ весьма любопытнымъ заключеніямъ. Сношенія по иностраннымъ дѣламъ, нѣкоторые отдѣлы судебныхъ дѣлъ, изданіе уставъ, т.-е. законодательная дѣятельность, въ извѣстной мѣрѣ мѣстное управление, — являются актами совмѣстной дѣятельности господаря и рады. Съ 1492 г. къ радѣ переходятъ и нѣкоторыя дѣла по фи-

мирья держати, ани надобѣ намъ с нимъ держати, занюжъ наша милость вѣдаете дѣла Швидрикгамлова, колко посягъ вашою милости недержалъ, колко пакъ брату вашему покойнику великому князю Витовту присягъ недержалъ, а осподарю нашему великому князю Жигимонту семь кротъ присягалъ и все зломилъ, а великомъ княгини Оуляне, невѣстце вашою, присягалъ боронити еѣ по животѣ брата вашего великого князя Витовта, и новма оу нятѣстню нехѣлъ еѣ выморити. А сами ваша милость вѣдаете, колко перю сего крови его для розлилося, колко пакъ тими разы розлилося его жъ для. А еще перю сего землю вытерять, а тими пакъ разы до конца выпустошилъ: какъ стала Литовская земля, не бывало такое тягости, какъ нинечи земля выгнбла. А какомъ слышимъ, посолъ вашъ съ немецкимъ посломъ ѣдутъ изъ немецъ сюды черес нашу землю ко князю Швитрикгамлу о перемирьи томъ. А то слышавше есмо всимъ намъ сердце замутилося, другъ друга не видимъ есмо во слезахъ, били есмо чоломъ господарю нашему великому князю, штобы пославъ нехѣлъ воротитиси посломъ тымъ, занюжъ жодиб пакъ еще сѣмъ приѣхали, болше бы сердца выало намъ и всимъ людемъ: на розумѣ в насъ то, што ваша милость за нимъ стоитъ, коли послы к нему шлете, перемирья чините, то оужо насъ хотите ему выдати. Лѣпше ваша милость сами насъ казните, какъ ваша воля, нижъ такую оилу намъ чините, ижбы намъ с нимъ перемирье держати. А шлете ваша милость, послы насъ не обославъ. А в записехъ межъ вашею милостью с нашимъ братомъ великимъ княземъ Жигимонтомъ, осподаремъ нашимъ, держати (оч. „стоитъ“) осподаря нишого оу вышшомъ радѣ а все посполно по думе чинити, безъ его вѣданья ничого нечинити. А колябъ то перемирье имѣло быти, тогды сякъ землю нашу неуримтель сказали еще—гости—што ихъ держити, от тогожъ веремеи такожо землю нашу казати, а великии наклады на нихъ наложоны, то бы все о землю, а еще даны наши тымъ бы дадемъ отъдаилися, а даныиye волости быхомъ выдали, которые почалися—были давати намъ, а еще они тымъ бы болши людий придобыли собѣ противъ насъ. А то все роспамянувшѣ, возия Бога на помоч, пошамъ есмо на войну,—а вашою милости чоломъ бѣемъ, штобы ваша милость пожаловали, силы тоѣ намъ не чините о томъ князя Швитрикгамлове перемирьи, ненадобѣ намъ с нимъ никакого перемирья, нижъ ради есмо вашу волю чинити, с пѣнца то перемирье хочомъ держати. А псаиъ оу Липишкахъ къ пѣтокъ предъ покровомъ Пресвятѣи Богородици семый день“.

Подлинная. На оборотѣ адресъ: господину великому королеви полскому, литовскому, рускому и инымъ.

(Арх. Вар. Каз. Пол. Отд. I, кн. 82, л. 116).

напсовому управленію. Отсюда виденъ размѣръ уступокъ, сдѣланныхъ Александромъ при его избраніи.

Но необходимо обратить вниманіе на одно очень важное обстоятельство: ни конституція 1413 г., ни конституція 1492 г. съ ея послѣдующими подтвержденіями не привлекаютъ пановъ рады къ активному участию въ управленіи государствомъ. Ясно только, что господарь обязанъ совѣтоваться въ извѣстныхъ случаяхъ; совѣтники могутъ подавать совѣты, и имъ гарантируется свобода мнѣній. Отсюда ясно, что на радѣ лежитъ не обязанность управленія, а лишь контроля. Въ этомъ случаѣ мы сильно расходимся съ почтеннымъ авторомъ разбираемаго изслѣдованія: онъ смотритъ на раду, какъ на такое правительственное учрежденіе, которое, ограничивъ власть государя, изъ его помощника превратилось въ равноправнаго товарища и носителя верховной власти (стр. 371). Естественно поэтому, что рада непосредственно распоряжается въ разныхъ областяхъ управленія (стр. 383). Въ глазахъ автора рада была „въ сущности единственнымъ органомъ центрального управленія въ Литовско-русскомъ государствѣ“; оттого въ радѣ не произошло раздѣленія предметовъ управленія и нѣкоторые изъ ея членовъ (разумѣются канцлеръ, подскарбій земскій, оба маршалка и гетманъ) несли чисто техническія исполнительныя обязанности (стр. 384). Такъ суммируетъ авторъ свой взглядъ. Естественно поэтому, и эти члены, доказываетъ онъ дальше, не имѣли строго опредѣленныхъ обязанностей. Такимъ образомъ рада—совѣтъ министровъ, но министры не имѣютъ опредѣленныхъ портфелей. Нельзя отрицать того, что въ дѣятельности господарской рады можно указать нѣкоторые факты, гдѣ рада выступаетъ въ качествѣ административной власти; поводовъ для такого рода дѣйствій было слишкомъ много. Таковы, напримѣръ, моменты междоусобицы; еще болѣе къ тому же должны были бы побуждать частыя отлучки великаго князя изъ государства; но рада очень рѣдко ими пользовалась, да и въ сознаніи общества рада не пользовалась значеніемъ правительственнаго органа, о чемъ она слишкомъ часто и краснорѣчиво указывала королю; вотъ почему нѣсколько фактовъ правящей дѣятельности рады не должны были бы вводить изслѣдователя въ заблужденіе относительно истиннаго характера всего института. Въ данномъ случаѣ надо исходить изъ текста законодательства. Кромѣ того надо помнить, что Польша и Литва въ XVI вѣкѣ были странами, гдѣ политическое развитіе шляхетства и мѣщанства стояли очень высоко, гдѣ масса легко разбиралась въ очень сложныхъ юри-

дическихъ понятіяхъ. Напримѣръ, эдиктъ короля Сигизмунда Августа о еретикахъ не имѣлъ реальнаго значенія потому, что въ немъ вмѣсто обычнаго для сеймовыхъ рѣшеній *ustawilemu* употреблено было *głoskazuemu* (терминъ, означавшій административное распоряженіе верховной власти). Поэтому нѣсколько сомнительныхъ случаевъ самостоятельной административной дѣятельности рады не могутъ служить основаніемъ для пониманія истиннаго значенія всего института, въ особенности въ его историческомъ происхожденіи. Повторяемъ, что основные законы страны опредѣляютъ положеніе рады только какъ учрежденія, къ которому государь обязанъ обращаться за совѣтами. Цѣль этого совѣта—контролировать дѣятельность верховной власти. Съ такимъ характеромъ рада дожила до слиянія Литвы съ Польшей. Только въ послѣдніе годы ея самостоятельнаго существованія замѣтны серьезныя измѣненія въ строѣ государственной административной машины. Рада приобретаетъ большее административное значеніе, и тогда появляются исполнительные органы, въ равной мѣрѣ зависящіе отъ великаго князя и отъ рады. Но это произошло вслѣдствіе того, что законодательная власть окончательно отошла къ сейму. Послѣдній, по примѣру своего польскаго собрата, стремится быть не только законодательнымъ корпусомъ, но и контролировать административную дѣятельность исполнительной власти. Ливонская война прекрасно показала, какъ рада была мало подготовлена къ роли исполнительнаго органа: ей оставалось только умолять короля явиться лично въ Литву. Такимъ образомъ, не отрицая усиленія административнаго значенія рады, мы относимъ этотъ періодъ въ ея исторію къ послѣднимъ годамъ предъ Люблинской уніей и готовы связать его съ земскими реформами 1564—1566 гг.

Отрицая административную роль рады, мы, конечно, не забываемъ, что въ ней сидѣли и такіе члены ея, которые несли на себѣ административныя функціи. Но эти исполнительные члены были органами не рады, а главы государства: послѣднему принадлежала вся исполнительная власть.

Чтобы сколько-нибудь обосновать предшествующее общее замѣчаніе (этого нелегко достигнуть въ статьѣ, посвященной критикѣ), надо сначала устранивъ факты, выводимые М. К. Любавскимъ въ подтвержденіе его мысли о самостоятельномъ административномъ значеніи рады. Повторяемъ, что онъ приводитъ всего лишь нѣсколько указаній, изъ которыхъ мы, по весьма понятнымъ причинамъ, устранимъ моменты междукняженій. На страницѣ 369 авторъ указываетъ

слѣдующіе факты: въ отсутствіе государя рада ведетъ дипломатическія сношенія, распоряжается военными силами государства, раздавая имѣнія военнослуживымъ людямъ, творить высшій судъ, проявляетъ самостоятельность и патріотизмъ въ конфликтѣ съ Польшею изъ-за Волыни. На страницѣ 378 авторъ группируетъ аналогичные факты, относящіеся ко времени правленія Сигизмунда I. Рада принимаетъ мѣры по оборонѣ страны, руководитъ военными дѣйствіями, отправляетъ пословъ, налагаетъ серебщину и ордынщину, отдаетъ въ залогъ господарскія имѣнія, творитъ въ широкой мѣрѣ судъ.

Эти факты были бы дѣйствительно весьма убѣдительными, если бы можно было показать, что очерченный кругъ дѣятельности является нормальнымъ, основаннымъ на законѣ или хотя бы на обычѣ. Сами по себѣ эти единичные факты мало могутъ убѣдить насъ въ виду того, что обычная практика имъ противорѣчитъ; но кромѣ того нѣкоторые изъ приводимыхъ авторомъ фактовъ требуютъ разъясненія, дѣйствительно ли они являются актами самостоятельной административной дѣятельности рады. Не говоримъ уже о томъ, что съ точки зрѣнія конституціи они во всякомъ случаѣ не законны. Конечно, на основаніи той же конституціи великій князь обязанъ былъ совѣтоваться съ радой по извѣстнымъ дѣламъ, но управленіе, т. е., выполнение тѣхъ мѣръ, которыя выработаны на общемъ совѣтѣ государя и рады, принадлежало ему одному и зависѣвшимъ отъ него органамъ.

Во многихъ случаяхъ не безопасно брать правительственный актъ въ томъ видѣ, какъ онъ вылился въ своей окончательной формѣ. Бершадскій, полагаясь на форму великокняжескихъ грамотъ, построилъ теорію, что конституція 1492 г. на практикѣ не принималась. Г. Любавскій построилъ свой противоположный взглядъ тоже на случайныхъ фактахъ. Случайная замѣтка въ книгѣ дамянъ великаго князя Казимира объ отдачѣ двумя членами рады десяти человекъ какому-то Васкѣ служить для него убѣдительнымъ аргументомъ для заключенія въ томъ смыслѣ, что рада распоряжается военными силами государства. Но до насъ дошли тысячи жалованныхъ грамотъ, по которымъ можно детально прослѣдить процессъ раздачи земель. Г. Любавскій утверждаетъ, что рада руководила военными дѣйствіями, и при этомъ ссылается на донесенія воеводы кіевскаго Андрея Немировича. Во-первыхъ, эта ссылка неудачная, потому что воевода пишетъ о татарскихъ дѣлахъ. Во-вторыхъ, надо еще имѣть въ виду подкладку подобнаго рода донесеній. Въ серединѣ 1535 года

господарь пишетъ два посланія къ радѣ, одно за другимъ; въ первомъ Сигизмундъ I излагаетъ радѣ донесеніе князя Юрія Слуцкаго съ театра военныхъ дѣйствій (о постройкѣ москвитянами Себежа и пр.), высказываетъ по поводу донесенія свои соображенія и спрашиваетъ совѣта у рады. Во второмъ великій князь пишетъ, что онъ получилъ донесенія отъ нея съ копіей письма князя Юрія на имя рады по тому же дѣлу и съ соображеніями на этотъ счетъ самой рады. Значитъ князь Слуцкій сразу послалъ донесенія и королю, и радѣ. Но ни король, ни рада самостоятельно вопроса рѣшить не могли ¹⁾. И это былъ обычный порядокъ вещей, который можно прослѣдить на многихъ фактахъ.

Въ военное время мѣстные власти одновременно посылали свои донесенія королю въ Польшу и радѣ въ Вильну, очевидно просто для ускоренія дѣла. Разумѣется, великій князь могъ поручить радѣ цѣликомъ исполненіе того или другого дѣла. Такъ Сигизмундъ I поступилъ и послѣ письма князя Слуцкаго; высказавъ свои соображенія по настоящему дѣлу, онъ поручилъ выполнить ихъ тѣмъ раднымъ панамъ, которые находились въ данное время въ Вильнѣ (старшей радѣ), а на театръ военныхъ дѣйствій (которыми руководили нѣкоторые изъ пановъ радѣ) написалъ особый листъ, въ которомъ сообщаетъ, что онъ передалъ „всю полную мощь“ въ этомъ дѣлѣ радѣ. Слѣдовательно, это было специальное порученіе господаря ²⁾. Если бы рада правительствовала въ отсутствіе господаря изъ Литвы, то былъ бы невозможенъ такой фактъ, какъ порученіе пану Николаю Радзивилу управлять Литвой въ отсутствіе государя: въ государствѣ оказалось

¹⁾ Кн. Зап. Лит. XIX, л. 1 и слѣд.

²⁾ Въ отвѣтъ на сообщеніе находящихся въ войскѣ пановъ радныхъ (кн. Слуцкаго, старосты жмудскаго и воеводы полоцкаго) о постройкѣ москвитянами Себежа и о предположеніи построить противъ него литовскій замокъ, король пишетъ: „и при томъ пишете, яко есмо перво сего росказали вамъ, место подобное обравши, замокъ нашъ противъ Себежа зарубити, къ которой что робите и людей въ волостей нашихъ велели есмо послать и на пановъ радѣ нашихъ ихъ милость *то есмо вложили* и вамъ науку нашу дали, абы ваши милость во всякихъ потребахъ до пановъ радѣ ихъ милости посылали и во всемъ порадѣ отъ ихъ милости брали“. Преподавъ далѣе еще совѣты относительно защиты Мстиславля и Радома, Сигизмундъ I повторяетъ, что онъ „паномъ радомъ нашимъ достаточное зданье наше чрезъ листы наши ознаймали и во всяхъ потребахъ и обороне земской *всю полную науку* ихъ милости дали“. Поэтому, рада и будетъ изъ Вильны давать предписанія на театръ военныхъ дѣйствій, а отсюда должны поступать донесенія къ панамъ. Кн. Зап. Лит. XIX, л. 9—11.

бы два правительства. Неубѣдительнымъ представляется намъ и ссылка на самостоятельность рады въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Приводимое г. Любавскимъ единственное указаніе для подтвержденія данной мысли говорить мало за него: государь „на память паномъ ихъ милости“ пересылаетъ радѣ конспектъ той инструкціи, которую рада должна разработать. Самостоятельности тутъ мало. Форма дипломатическихъ сношеній намъ хорошо извѣстна; извѣстно также и то, что ни государь, ни рада самостоятельно не принимали, безъ совѣта другъ съ другомъ, никакихъ серьезныхъ дипломатическихъ шаговъ. Хорошо извѣстно также и то, что государь изъ Польши поручалъ радѣ выработать детали посольства, выбрать пословъ и пр.

Г. Любавскій увѣряетъ насъ, что рада принимала мѣры по оборонѣ страны, и при этомъ ссылается на посланіе литовской рады въ 1507 году къ Смоленскому паспольшву съ убѣжденіемъ отстаивать городъ противъ москвитянъ. Этотъ фактъ намъ представляется тоже мало убѣдительно: автономное и непрочное положеніе Смоленской области въ составѣ государства, только что происшедшая сѣбѣ государя (посланіе написано 7-го января 1507 г.), наконецъ религіозно-національный характеръ возстанія Михаила Глинскаго,—все это побуждало литовскихъ пановъ заискивать у смоленскаго владыки и мѣстнаго паспольшва. Поэтому и на это посланіе надо смотрѣть, какъ на фактъ и единичный и вызванный случайными обстоятельствами. Замѣтимъ, что изъ этого посланія не видно никакого руководства со стороны рады военными дѣйствіями: она только сообщаетъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ; въ дѣйствительности войною руководилъ самъ великій князь. Обратимъ вниманіе, что и великій князь Александръ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, во время войны съ Москвою, тоже увѣщевалъ смольнянъ отстаивать городъ¹⁾. О раскладкѣ радой серебщины и ордынщины рѣчи быть не можетъ. Г. Любавскій вѣрить заявленію берестейскихъ мѣщанъ. Но по актамъ мы доподлинно знаемъ, что на города раскладывалась серебщина и ордынщина скарбомъ и имъ же собиралась; радѣ и въ этомъ случаѣ принадлежалъ только контроль. Мало убѣдительно также и ссылка на рѣдкіе случаи совершенныхъ радюю займовъ подъ залогъ господскихъ дворовъ: это случайное явленіе.

Что касается суда, то безъ государя рада судила только *з рамени юсударскаго*, какъ опредѣляетъ статутъ.

¹⁾ Кн. Зап. Лнт., V.

Изъ этого ясно, что М. К. Любавскому не удалось доказать административнаго значенія господарской рады. И доказать этого нельзя.

Мы довольствуемся только отрицаніемъ тѣхъ доказательствъ, которыя приводитъ г. Любавскій. Обстоятельно выяснить нашъ взглядъ, значило бы написать новое изслѣдованіе. Въ книгѣ самого г. Любавскаго собрано множество указаній на то, что господарь предоставляетъ обсужденіямъ рады тѣ или инныя дѣла. Одни изъ нихъ рада обсуждаетъ предварительно передъ перенесеніемъ на сеймъ, другія только обсуждаетъ, но приведеніе въ исполненіе рѣшеній, выработанныхъ совѣстно господаремъ и радой, лежитъ на господарѣ и органахъ ему подчиненныхъ. Единичные факты, сколько бы ихъ ни приводили, не должны бы служить къ опроверженію высказываемаго положенія, такъ какъ рада покоилась на юридическихъ основаніяхъ (конституціи 1413 и 1492 гг.). Очень жаль, что г. Любавскій, повидимому увлекшись единичными фактами, не воспользовался богатой перепиской великаго князя со своею радой и съ отдѣльными ея членами (въ особенности съ подскарбіями земскими и гетманами); этой перепиской богаты книги Метрики Литовской; такими же фактами богатъ сборникъ писемъ короля Сигизмунда Августа, изданный Ляховичемъ и нѣкоторыя другія данія. Названные матеріалы дали бы возможность заглянуть въ подготовительный процессъ выработки совѣтомъ и господаремъ различныхъ рѣшеній, разъяснили бы также и то, кто являлся исполнителемъ этихъ рѣшеній, а также и роль административныхъ органовъ рады.

Рада, какъ мы видѣли, состояла изъ двухъ элементовъ: мѣстныхъ правителей (частью выборныхъ и во всякомъ случаѣ назначаемыхъ пожизненно, слѣдовательно независимыхъ отъ великокняжеской власти) и должностей дворцоваго происхожденія. Конституція 1413 года знаетъ въ государственномъ совѣтѣ только первыхъ: они только совѣтники великаго князя, хранители земскихъ вольностей. Исполнительнымъ органомъ государства остается великій князь. Онъ управляетъ государствомъ. Разумѣется, у него есть помощники; это дворцовые слуги, но роль дворцоваго слуги еще мало отличается отъ государственнаго чиновника. Великіе князья Ритовъ, Сигизмундъ и Казимиръ живутъ постоянно въ Литвѣ; Казимиръ даже по полученіи польской короны большую часть времени проводитъ въ Литвѣ. Личное участіе государя въ радѣ не способствуетъ возвышенію дворцовыхъ чиновниковъ. Но уже въ первой половинѣ XV вѣка при великихъ князьяхъ является подскарбій, маршалки; они носятъ еще

названіе государскихъ; есть и канцлеръ; при посредствѣ этихъ лицъ великій князь управляетъ государствомъ подъ контролемъ пановъ радныхъ. Съ теченіемъ времени задачи государственнаго управления разрастаются, великій князь чаще и на долгое время остается въ Польшѣ, отчего растетъ роль исполнительныхъ органовъ; съ титуломъ земскаго они занимаютъ мѣсто въ радѣ. Но здѣсь они появляются не какъ органы рады, а какъ органы исполнительной власти, зависящие отъ великаго князя, его помощники и его министры. Когда военное напряженіе на югѣ и востокѣ потребовало особаго полководца, таковой явился въ лицѣ гетмана.

Вотъ почему, намъ кажется, трудно согласиться съ г. Любавскимъ, который считаетъ канцлера, подскарбія земскаго, маршалковъ и гетмана въ числѣ исполнительныхъ органовъ рады (стр. 384) или рады и господаря¹⁾ (какъ онъ осторожно выражается). Мы не отрицаемъ извѣстнаго рода эволюціи, которая произошла въ положеніи должностныхъ лицъ въ смыслѣ передвиженія ихъ справа налѣво, т.-е. превращенія изъ дворцовыхъ органовъ въ государственные съ болѣею зависимостью отъ рады и съ болѣею самостоятельностью въ отведенной имъ сферѣ дѣятельности. Процессъ этотъ завершился ко времени земскихъ реформъ Сигизмунда Августа и заслуживалъ бы тщательнаго выясненія.

Такъ, напримѣръ, должность канцлера очень рано вышла изъ положенія дворцовой и превратилась въ государственную. И это вполне понятно, такъ какъ канцлеръ хранилъ государственную печать и, слѣдовательно, оказывался такимъ лицомъ въ радѣ, которое съ большимъ удобствомъ могло контролировать дѣятельность государя. Отсюда и понятно нѣкоторое расширеніе въ сферѣ его дѣятельности за предѣлами канцеляріи въ собственномъ смыслѣ²⁾. Обязанности

¹⁾ Намъ поэтому представляются весьма знаменательными такіе, напримѣръ, заявленія пановъ рады въ 1520 г., когда рада проситъ господаря «аки бы ваша милость рачили до гетмана вашего милости князя Костентина писати, аки бы онъ къ своему яраду ѣхалъ» (въ приложеніяхъ у Любавскаго, стр. 7).

²⁾ Г. Любавскій указываетъ на одинъ фактъ, изъ котораго видно, что канцлеръ имѣлъ нѣкоторое наблюденіе надъ сборомъ помиланныхъ доходовъ. Это вполне понятно, такъ какъ таможенные доходы по конституціи 1493 г. вѣдались господаремъ подъ наблюденіемъ рады. Ссылка г. Любавскаго на то, что канцлеръ иногда вѣдалъ судъ надъ мытниками, требуетъ еще разъясненія, такъ какъ дѣло Семеновича не касалось таможеннаго дѣла въ собственномъ смыслѣ, и притомъ вѣдано было въ предѣлахъ Бѣльскаго старосты, когда старостой былъ тамъ канцлеръ Ольбрахтъ Гамтольдъ. Порученіе суда надъ Айзакомъ и К'.

маршалка земскаго остались непонятными г. Любавскимъ, такъ какъ онъ знаетъ только дворцовыя и сеймовыя его обязанности, не замѣтивъ двухъ важнѣйшихъ его обязанностей по государственному контролю надъ доменами и по судебной прокуратурѣ. Маршалки имѣли значеніе судей и сверхъ того были связаны съ территоріальными округами, повидимому, и въ военномъ отношеніи еще до реформы 1565 г. По представленію г. Любавскаго, должность подскарбія земскаго является безформенной, чего въ дѣйствительности не было. То обстоятельство, что подскарбій земскій бывалъ только членомъ контрольных комиссій, по сбору податей, означаетъ лишь отдѣленіе въ государствѣ контроля надъ доходами отъ управленія ими; послѣднее всецѣло лежало на подскарбін, при непосредственномъ руководствѣ со стороны господаря. Въ Литовско-русскомъ государствѣ было очень немного министровъ, такъ что пропускъ одного изъ нихъ затемняетъ наше представленіе о центральномъ управленіи: г. Любавскій не замѣтилъ роли бискупа виленскаго въ дипломатическихъ сношеніяхъ, которую можно сопоставить съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, мы далеко не можемъ согласиться со взглядами, развитыми авторомъ о происхожденіи, составѣ и функціяхъ господарской рады. По нашему мнѣнію весь этотъ вопросъ нуждается въ пересмотрѣ.

Не будемъ останавливаться на той главѣ изслѣдованія, которая посвящена развитію шляхетскаго сословія. Замѣтимъ только, что эта глава, покоящаяся въ значительной мѣрѣ на прежнихъ изслѣдованіяхъ автора, представляется намъ лучшей частью ея работы. Хотя основные выводы автора и не являются въ настоящее время вполне неожиданными въ виду его же предшествующей работы и другихъ трудовъ (Ярошевича и проф. Леонтовича), однако новый пересмотръ вопроса и детальная его разработка составляютъ крупную заслугу автора.

III.

Слѣдимъ перейти къ другой части нашихъ замѣчаній, именно къ критикѣ тѣхъ главъ изслѣдованія г. Любавскаго, которыя посвящены изложенію исторіи сеймовъ. Это самая обширная часть изслѣдованія. Разумѣется, наши замѣчанія будутъ носить очень отрывочный харак-

актеръ, объясняется тѣмъ, что Гамтольдъ былъ поручителемъ за этихъ мытниковъ.

теперь, и мы укажемъ въ нихъ на важнѣйшіе недостатки, наиболѣе рѣзко бросающіеся въ глаза.

Вообще въ изложеніи исторіи сеймовъ временъ Казимира, Александра и Сигизмунда I авторъ, по нашему мнѣнію, приписываетъ многое дѣятельности сеймовъ въ такихъ случаяхъ, когда дѣйствовала одна только рада: Такимъ образомъ онъ иногда подъ именемъ сейма описываетъ совѣщанія пановъ рады. Такъ, налагая сеймъ 1507 г. (стр. 79), авторъ говоритъ: „на немъ прежде всего выработаны были строгія постановленія касательно отбыванія военной службы“. Въ действительности это не точно, и сеймовая устава не уполномочиваетъ на такую характеристику. Устава о службѣ была выработана радюю, а серебрящина дѣйствительно была ухвалена радюю и присутствовавшимъ на сеймѣ шляхетствомъ. Характеризуя на 412 стр. дѣятельность рады, самъ авторъ заявляетъ, что эта устава выработана радюю.

Непонятно для насъ, почему авторъ считаетъ совѣщаніе 1508—1509 г.г. сеймомъ (стр. 183—185).

Дѣло въ томъ, что г. Любавскій рѣдко приводитъ объясненія, почему онъ считаетъ то или иное собраніе именно сеймомъ, т.-е. съѣздомъ пановъ рады и представителей шляхетства, собравшимся для совѣстнаго обсужденія какихъ-либо государственныхъ дѣлъ. Сеймомъ назывался всякій съездъ, въ томъ числѣ и съезды пановъ рады для отправленія правосудія или для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ ¹⁾. Сеймъ, на который призывалась шляхта, источники называютъ вальнымъ, великимъ, или же говорятъ объ участіи становъ въ совѣщаніи. Поэтому изслѣдователь обязанъ былъ бы тщательно разяснить каждый разъ, почему онъ считаетъ тотъ или иной сеймъ вальнымъ сеймомъ; въ чемъ онъ видитъ присутствіе, приглашеніе и участіе шляхты на сеймѣ. Г. Любавскій избѣгаетъ такихъ разясненій и, какъ намъ кажется, принимаетъ иногда сеймы радныхъ пановъ за великіе сеймы. Кромѣ того онъ не всегда отчетливо отдѣляетъ дѣятельность радныхъ пановъ, происходившую на великихъ сеймахъ, или даже на сеймахъ пановъ, отъ такихъ актовъ, въ разрѣшеніи

¹⁾ Такое значеніе слова не требуетъ особыхъ разясненій. Напомнимъ, что въ статутѣ всякое собраніе рады называется сеймомъ. Приведемъ одну выдержку изъ королевскаго листа. Въ юлѣ 1567 г. не было никакого сейма въ Берестѣ, а между тѣмъ господарь пишетъ: „Паномъ радомъ нашимъ нхъ милости духовнымъ и свѣцкимъ панства нашего Великого князства Литовскаго, которые яа насъ до Берестѣ зъехали“ (Кн. Зап. Лит. XLVII, л. 19).

которых действительно принимала участие шляхта. Это общий недостаток изложения, затрудняющий чтение книги, требующий частой проверки по источникам.

Такъ, напримеръ, авторъ не приводитъ ни одного фактическаго указанія на то, что сеймъ 1508—1509 г.г. действительно былъ великимъ сеймомъ: описывается только дѣятельность рады. Очень сомнительнымъ представляется намъ и сеймъ конца 1515 и начала 1516 гг. (стр. 203), о которомъ Стрыйковскій ¹⁾ и Ваповскій говорятъ, какъ о собраніи рады ²⁾. Рассказывая о сеймѣ въ маѣ 1516 г., авторъ утверждаетъ: „между прочимъ здѣсь была выработана такса, по которой военные люди имѣли право брать у населенія съѣстные припасы реквизиціоннымъ путемъ“ (стр. 206). Справка съ источникомъ, на который ссылается авторъ, не говоритъ въ его пользу, потому что въ уставѣ вовсе не сказано, что она выработана на сеймѣ; и впоследствии подобнаго рода уставы никогда не обсуждались сеймомъ.

Недоказанными также являются сеймы 1520 и 1521 гг. (стр. 215 и слѣдующія). Авторъ основывается и въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, только на перепискѣ господара съ радой. Описывая сеймъ 1520 г. авторъ увѣряетъ, что на этомъ сеймѣ паны рада не только обсудили предложенія короля, „но и по собственной инициативѣ вмѣстѣ съ другими станами сойма приняли нѣкоторые рѣшенія, касающіяся злобы дня“ (стр. 217). Источники не уполномочиваютъ для столь широкаго заключенія объ участіи „другихъ становъ“ въ отвѣтѣ королю на злобу дня. Если авторъ считаетъ злободневнымъ вопросомъ вопросъ о пріѣздѣ въ Литву короля, намекъ на какія-то несогласія рады съ княземъ Острожскимъ и нѣкоторые другіе, то, кажется, слишкомъ преждевременно приписывать шляхтѣ участіе въ столь интимныхъ дѣлахъ; кромѣ того, вся переписка касается простыхъ административныхъ вопросовъ, т. е. такихъ, для обсужденія которыхъ шляхта не принадлежала даже и при Сигизмундѣ-Августѣ ³⁾.

¹⁾ Хроника въ изданіи 1766 г. р. 736.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum* т. II, р. 139.

³⁾ Авторъ, очевидно, считаетъ слѣдующую фразу въ отвѣтѣ рады за указаніе на сеймъ: „мы, на томъ соймѣ будучи, веселою намовили“ относительно вторженія въ Пруссію князя Жмуди (Приложенія, стр. 8). Но въ предыдущаго текста видно, что король по этому поводу обратился только къ панамъ радѣ съ особыми ласками, и дальнѣйшій отвѣтъ рады дается только отъ ея имени. Неубѣдительно также и выраженіе въ посланіи короля „ваша бы милость, панове рада наша, на томъ великомъ сойме рачили радити и мыслити“ (Приложенія, стр. 4), такъ какъ это обращеніе только къ радѣ.

Кромѣ того, авторъ не полно излагаетъ переписку касательно этого собранія рады, такъ какъ въ актахъ встрѣчается еще дополнительное посланіе короля, переданное радѣ черезъ пана Юрія Миколаевича Радивиля и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича ¹⁾. Чисто административными дѣлами занята и переписка рады съ королемъ въ 1521 г., и въ ней нѣтъ ни одного мѣста, которое указывало бы на совѣщаніе рады съ представителями шляхты: это просто переписка по текущимъ дѣламъ ²⁾. Нѣтъ также ни одного указанія на то, чтобы переписка рады съ королемъ, относящаяся къ 1525 г., указывала на собраніе великаго сейма (стр. 238 и слѣдующія). Точно также не было и сейма въ Вильнѣ въ началѣ 1532 г. (стр. 257 и слѣдующія); во-1-хъ, тутъ авторъ сдѣлалъ ошибку въ опредѣленіи даты, къ которой переписка относится. Ее надо отнести къ концу 1530 или къ началу 1531 г.; въ ней говорится только о чисто административныхъ дѣлахъ, много отведено вниманія дипломатикѣ, слѣ-

¹⁾ Считаю умѣстнымъ познакомить съ этимъ посланіемъ великаго князя къ радѣ. Тѣсно сливаясь съ интересовавшими тогда правительство вопросами, оно содержитъ въ себѣ небезынтересныя заявленія принципиальнаго свойства. Прежде всего государь отвѣчаетъ, что онъ не можетъ вслѣдствіе войны съ Пруссіей прибыть въ великое княжество, какъ объ этомъ просили паны рада; поэтому государь проситъ, чтобы рада, „будучи на томъ сейме, уступить во все сирасы тутошняго панства великаго князства Литовскаго и справавати и радити немней такъ, какъ самъ государь, не складаячи на его милости государя. Бо ачбы и самъ государь его милости своею головою тутъ у ваше милости тыхъ часовъ былъ, а однако жъ бы его милости не могъ много ничего вчинити, только тое жъ што ся будетъ вашей милости видети и вымыслити и вчинити ку его милости доброму и земскому“. Государь поэтому проситъ раду подумать объ оборонѣ земской на тотъ случай, если царь московскій сдѣлаетъ нападеніе; относительно царя перекопскаго государь проситъ „мыслети и радети и чужность въ томъ мети“ въ случаѣ нападенія со стороны татаръ. Онъ также совѣтуетъ какъ можно скорѣе отправить упоминки царю, которые въ то же время отправляются и изъ короны польской. Радѣ надлежитъ подумать также и о томъ, чѣмъ улагодитъ гарнизону, который стоитъ въ украинскихъ замкахъ. Въ особенности государь напоминаетъ о замкѣ Кіевскомъ; о немъ уже была рѣчь на совѣщаніи государя съ радой на прошломъ Берестейскомъ сеймѣ: радѣ предлагается привести въ исполненіе предположенное тогда исправленіе кіевскихъ укрѣпленій. Далѣе государь рассказываетъ о предложеніяхъ московскаго царя послать посольство для переговоровъ (Кн. Зап. Лит. VII, л. 387—390).

²⁾ Авторъ на стр. 221 подчеркиваетъ то мѣсто изъ отвѣта короля, гдѣ онъ говоритъ о нежеланіи жиудской шляхты давать серебщину: „а што се дотычетъ зѣмли жемойдское слышнѣмъ (т. е. король), нѣжъ они серебщизны дати не хотятъ, выламуячи своими правы“: почему авторъ предполагаетъ, что этотъ отказъ основывался на великомъ сеймѣ?

довательно, все это вопросы, не касавшіеся сейма. Правда, въ перенискѣ содержится глухой намекъ на то, что паны рада передавали шляхтѣ просьбу короля о субсидіи на волошскую войну. Слѣдовательно, если это и было на сеймѣ, а не въ военномъ станѣ, то все-таки шляхтѣ былъ предложенъ только одинъ этотъ вопросъ ¹⁾.

¹⁾ До насъ дошли два посланія господари къ радѣ. Эта перениска приурочивается г. Любавскимъ къ 1532 г. Перениска состоитъ въ посланіи господари къ радѣ черезъ подскарбіа земскаго Ивана Горностая и въ другомъ его же посланіи, переданномъ черезъ бискупа Николая и Ивана Сопегу. Во-1-хъ, г. Любавскій неточно установилъ дату этой перениски. Разберемъ сначала первое посланіе Сигизмунда I. Для опредѣленія даты г. Любавскій беретъ изъ посланія фразу, въ которой говорится, что перемирію съ Москвою „уже отъ Вожьего нароченія, што минуло, остаточный годъ выходитъ“. Г. Любавскій полагаетъ, что тутъ дѣло идетъ о перемиріи, которое истекало 25-го декабря 1532 г.; но въ текстѣ есть другія болѣе надежныя указанія, противорѣчащія вышеупомянутымъ. Такъ, въ посольствѣ говорится о томъ, что господарь установилъ серебщину „будучи его милости минулаго году во отчизнѣ“. Это указаніе можетъ относиться только къ 1529 году. Въ посланіи Сигизмундъ I говоритъ, что на Петровскомъ сеймѣ установлена подать для войны съ волошскими господаремъ Петрилою и что господарь самъ готовъ пойти на непріятеля своею персоною. Петрила занялъ Покутье осенью 1530 г., а 22-го августа 1531 г. уже былъ разбитъ Яномъ Гарновскимъ подъ Обертиномъ (*Szwjaki, Historji Polskiej ksiąg dwanaście*, 1889. p. 175). Возьмемъ теперь второе посланіе господари. Г. Любавскій утверждаетъ, что все содержаніе этого отвѣта тѣсно связано съ посольствомъ Горностая; кромѣ того, онъ думаетъ, что къ болѣе раннему времени эта перениска не можетъ относиться, потому что радѣ не было нужды звать только что уѣхавшаго государя. Последнее неточно, потому что Сигизмундъ I самъ утверждаетъ, что онъ, уѣзжая изъ Литвы въ 1529 г., обещалъ немедленно возвратиться послѣ коронаціи сына въ Краковѣ (Док. Моск. Арх. М. Ю., стр. 529). (20-го февраля 1530 г.). Въ своемъ посланіи господарь указываетъ на моровое повѣтріе въ Литвѣ, которое дѣйствительно было въ 1530 г. (Хроника Стрыйковского въ изданіи 1766 г., стр. 742); объ этомъ говорятъ и иностранныя извѣстія. Вантышъ-Каменскій, Перениска между Россіею и Польшею. М. 1862. Нѣсколько далѣе рада говоритъ объ отправкѣ въ Москву гонимомъ Олехна Бокея. Бокей вѣзъ изъ Москвы отвѣтную грамоту, помѣченную 5-мъ мая 1531 г. (Акты Зап. Гос. II, стр. 217), а въ другой разъ Бокей уже 28-го ноября 1531 г. былъ въ Смоленскѣ по дорогѣ въ Москву (Сб. И. Р. И. О. XXXV, стр. 839); далѣе, посольство отъ рады къ господарю принесли Иванъ Сапега. Между тѣмъ онъ именно ѣдѣлъ въ Москву въ посольствѣ, о которомъ въ перенискѣ идетъ рѣчь, и въ февралѣ 1532 г. былъ уже подъ Смоленскомъ (*Ibidem*, p. 846). Изъ этого видно, что разсматриваемая перениска можетъ только относиться къ концу 1530 и къ началу 1531 гг. Сверхъ того, мы не соглашаемся съ г. Любавскимъ въ хронологическую послѣдовательность обѣихъ посланій. Г. Любавскій считаетъ, что посланіе черезъ Горностая написано гораздо раньше, чѣмъ второе—черезъ Ивана Сапегу; но въ первомъ—о во-

Такимъ образомъ далеко не всѣ тѣ собранія, которыя авторъ считаетъ великими сеймами, слѣдуетъ признавать таковыми. По утвержденію г. Любавскаго сеймы при Сигизмундѣ I собираются почти каждый годъ, т.-е. чаще, чѣмъ при Сигизмундѣ Августѣ, т.-е. тогда, когда сеймы получили дѣйствительно важное значеніе въ государствѣ. Если согласиться съ изложеніемъ автора, то сеймы при Сигизмундѣ I уже занимались и административными дѣлами, виѣшивались даже въ дипломатическія сношенія, чего въ дѣйствительности не было даже и въ шестидесятихъ годахъ; на 224 страницѣ авторъ дѣлаетъ слѣдующее, напримѣръ, неосторожное замѣчаніе относительно сейма 1522 года: „первый вопросъ, обсуждавшійся на этомъ сеймѣ, касался дѣла съ Москвою. Рѣшено было отправить въ Москву посла съ предложеніемъ, чтобы великій князь, если согласенъ на вѣчный миръ

лошской войнѣ говорится вскользь, на войну уже собраны деньги, сеймъ въ Петровѣ уже, очевидно, закончился. Между тѣмъ второе посланіе начинается рѣзкимъ отвѣтомъ короля по поводу отказа сейма въ выдачѣ субсидій на волошскую войну. Очевидно, просьба о субсидіяхъ на войну была написана сейчасъ послѣ начала ея и король отвѣчаетъ радѣ уже по полученіи ея отказа. Кромѣ того, въ посланіи господаря къ радѣ, переданномъ черезъ Ивана Горностая, упоминается о томъ, что рада пишетъ господарю „съ того сойму своего Мерецкого“ (Док. Моск. Арх. М. Ю., стр. 529). Слѣдовательно, отвѣтъ короля дается на посланіе рады изъ Меречи. Между тѣмъ въ посланіи господаря, переданномъ черезъ блескуна Николая и Ивана Сянегу, встрѣчаемъ два такихъ указанія, касающихся мѣстности, изъ которой были посланы отвѣты отъ рады. Въ самомъ началѣ отвѣта передается отвѣтъ рады по поводу помощи въ волошской войнѣ: „паны рада wypowiedли же, панове рада великого князьства около того пановили зъ землею то есть рыцарствомъ великого князьства, къ чому жъ все рыцарство тамъ омовило и на то прозволить не хотело“ (Акты лит.-рус. госуд., стр. 234). Значитъ, тутъ вскользь упоминается о какомъ-то *бышемъ* сеймѣ, мѣсто коего не опредѣлено; но въ особомъ прибавленіи къ тому же посланію находимъ указанія такого рода: „Што ваша милость пишете до насъ, ижъ есмы положили вашей милости съемъ нальный мети у Вильны, на который же послали есмы до вашей милости отъ насъ в посольстве подскарбего земского маршалка и писаря нашего державцу слонимского пана Ивана Горностая“ (Акты лит.-рус. госуд. р. 240); слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ уже о будущемъ сеймѣ въ Вильнѣ. Значитъ, во всякомъ случаѣ переговоры короля съ радой, которые М. К. Любавскій приурочиваетъ къ яленскому сейму начала 1582 г., хронологически не относятся къ этому времени, и не такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ это предполагаетъ М. К. Любавскій. Добавимъ, по поводу приведеннаго упоминанія рады о субсидіяхъ на волошскую войну, что, кажется, въ концѣ 1590 г. изслѣдствіе тревожныхъ слуховъ о движеніяхъ татаръ собиралось войско (быть можетъ въ Меречи); возможно, что паны рады и вели переговоры здѣсь о предложеніи короля.

или перемиріе прислалъ своихъ пословъ въ Вильну для переговоровъ". По справкѣ со ссылкой на источникъ оказывается, что посольство было отправлено „въ валнаго сойму“ ¹⁾, т.-е. указано мѣсто и время отправленія посольства—и больше ничего. Сеймы никогда не вмѣшивались въ дипломатическіе вопросы. На стр. 231 авторъ увѣряетъ насъ, что на томъ же Городенскомъ сеймѣ „волинскіе землевладѣльцы подавали господарю просьбу объ исправленіи границъ между землею Волинскою и Короною Польскою“. По справкѣ съ источниками оказывается: въ оглавленіи господарскаго листа, писаннаго на имя предсѣдателя пограничной комиссіи князя К. И. Острожскаго значится: *писанъ на соймъ* (это замѣтка дяка), а въ самомъ листѣ говорится: „што есмо будучи у Вильны зъ вашею милостію паны радами нашими намовили“ относительно границъ. Слѣдовательно, и просьбы никакой не было со стороны шляхты и вопросъ о границахъ обсуждался въ засѣданіи господаря и рады. На страницѣ 252 авторъ дѣлаетъ предположеніе, что устава дворамъ господарскимъ издана „при содѣйствіи самихъ державцевъ“; но во-первыхъ, устава была направлена противъ державцевъ, а во-вторыхъ имѣется документальное свидѣтельство, что вопросъ объ уставѣ вырабатывался въ засѣданіи рады ²⁾.

Подобнаго рода неосторожныя замѣчанія могутъ поселить въ читателѣ невѣрное представленіе о компетенціи сейма при Сигизмундѣ I, и о вопросахъ, которые на немъ подымались; къ этому можно было бы прибавить, что авторъ слишкомъ охотно вообще дѣлаетъ предположенія о выдачѣ подтвердительныхъ и другихъ грамотъ именно на сеймъ и по просьбѣ пріѣхавшихъ на сеймъ (для совѣщанія) шляхтичей. Безъ справки съ источниками можетъ показаться, что авторъ дѣйствительно имѣетъ какія-нибудь данныя для подобныхъ предположеній, что далеко не оправдывается источниками.

Такимъ образомъ авторъ, нѣсколько увлекаясь изучаемою темой, готовъ приписывать сейму такія рѣшенія, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія. Это можетъ повести къ ложному представленію о цѣломъ институтѣ. Сверхъ того нельзя не пожалѣть, что авторъ не ограничилъ въ своемъ изложеніи совѣщаній между радой и господаремъ отъ тѣхъ немногочисленныхъ фактовъ, которые относятся къ сеймамъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. къ собранію шляхет-

¹⁾ Акты Зап. Рос. Ц. р. 187.

²⁾ Кн. Зап. Лят. XVII.

ства, призванному для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. Изложеніе переписки рады съ государемъ по дѣламъ, которые вовсе не подлежали сеймовому рѣшенію, является излишнимъ балластомъ въ главѣ, касающейся исторіи сейма, и затрудняетъ изученіе книги. Кромѣ того, повторяемъ, авторъ не рѣдко считаетъ обычное совѣщаніе пановъ радныхъ великимъ сеймомъ. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе неустанной работы шляхетскаго посольства, направленной на рѣшеніе не только законодательныхъ, но и чисто административныхъ вопросовъ. Авторъ насчиталъ въ эпоху Сигизмунда I 26 великихъ сеймовъ, изъ которыхъ нѣкоторые созывались по два раза въ годъ и работали по нѣскольку мѣсяцевъ. Выходить, что Литовско-русское государство опередило даже Польшу той же эпохи—и по количеству собиравшихся сеймовъ и по разнообразію вопросовъ, предлагавшихся на обсужденіе шляхты. Выходить, что при Сигизмундѣ I шляхта работала интенсивнѣе, чѣмъ при его преемникѣ. И такой выводъ пришлось бы сдѣлать по отношенію какъ разъ къ такой эпохѣ въ жизни государства, когда шляхта еще юридически не была призвана къ управленію, и притомъ при государѣ, проявлявшемъ сильную склонность къ удержанію прерогативъ короны и склонномъ вести государство отнюдь не къ расширенію шляхетскихъ вольностей; непонятнымъ становится заключительный аккордъ этой неустанной сеймовой дѣятельности, такъ какъ шляхта на послѣднемъ сеймѣ при Сигизмундѣ I въ очень скромныхъ выраженіяхъ просила короля о томъ, чтобы государь правилъ по совѣту съ радными панамъ,—такая просьба была бы уже излишней. Въ дѣйствительности шляхетское посольство на сеймахъ играло весьма ограниченную роль, что въ своемъ заключеніи признаетъ и самъ авторъ. Такимъ образомъ его заключеніе не совсѣмъ сходится съ изложеніемъ.

При изложеніи сейма въ великокняженіе Сигизмунда Августа авторъ имѣетъ дѣло съ очень опредѣленными источниками, почему и изложеніе сеймовой дѣятельности уже не страдаетъ указанными недостатками. Впрочемъ, и здѣсь авторъ связываетъ съ сеймомъ иногда такія обстоятельства, которыя не имѣютъ отношенія къ сейму; на-примѣръ, жалобы землянъ и мѣщанства южныхъ старостъ на своихъ старостъ (стр. 565, 653 и др.): во-первыхъ, изъ актовъ не видно, чтобы эти жалобы приносились дѣйствительно послами, а во-вторыхъ, южное землянство (Браславскаго, Черкаскаго, Веницкаго и Кременецкаго повѣтовъ) и не призывалось на сеймы до 1565 года.

Вообще авторъ, отдаваясь своему матеріалу, не всегда отчетливо выдѣляетъ существенно-важное для разбираемаго вопроса отъ второстепеннаго и даже иногда отъ такого матеріала, который къ дѣлу не относится. Мелочами и излишними детальными отступленіями разсѣивается вниманіе читателя; таковы, напримѣръ, излюбленные авторомъ вопросы внѣшней политики и нѣкоторые другіе. Книга много выиграла бы и въ объемѣ и въ изложеніи отъ болѣе умѣреннаго обращенія съ побочнымъ матеріаломъ. Можно бы указать и на нѣкоторые другіе недостатки послѣдней части книги г. Любавскаго. Такъ, напримѣръ, земская реформа 1565—1566 годовъ не нашла себѣ всесторонняго объясненія въ книгѣ; въ изложеніи Люблинскаго сейма авторъ не привлекъ такихъ данныхъ, которыя характеризовали бы настроеніе партій въ Литвѣ, ограничившись изложеніемъ дневника сейма и т. д.

Мы закончимъ нашъ разборъ однимъ дополненіемъ къ сейму 1564 года. На стр. 680 авторъ заявляетъ, послѣ разсказа о томъ, что Сигизмундъ Августъ предложилъ обсудить вопросъ о введеніи судебной реформы на военно-полевомъ сеймѣ въ Минскѣ въ 1564 году: „мы не знаемъ въ точности тѣхъ результатовъ, къ которымъ привели совѣщанія на Минскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1564 года по части „заложенія“ новыхъ судовъ“. Въ дѣйствительности въ книгахъ Метрики можно найти точныя свѣдѣнія о результатахъ работъ этого сейма. Это выясняется изъ грамоты отъ 30-го апрѣля 1565 года о введеніи новыхъ судовъ въ Берестейскомъ повѣтѣ; вѣроятно, такіе же грамоты были даны и другимъ повѣтамъ. Прежде всего на Минскомъ сеймѣ были установлены границы повѣтовъ, какъ судебныхъ округовъ, — „для ведомости певное, поки ся моць и владность суду земскаго оногo повету и позны того суду стегати мають“. Затѣмъ, на сеймѣ были выбраны судьи, которыхъ король и утвердилъ. Такъ какъ новый Статутъ еще не утвержденъ, то король, повторивъ свое обѣщаніе его утвердить, предписываетъ временный порядокъ новыхъ судовъ, впрочемъ во всемъ согласный съ проектированнымъ въ Статутѣ ¹⁾).

Заканчивая этимъ нашъ разборъ книги М. К. Любавскаго, повторимъ, что хотя его изслѣдованіе и отличается нѣкоторыми недостат-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., LXIV, л. 281 об.—286.

ками, хотя съ выводами почтеннаго автора далеко нельзя согласиться, все же разсмотрѣнная книга представляетъ крупный вкладъ въ науку.

М. Демаръ-Замельскій.

Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ проф. *Е. В. Карскимъ*. Варшава 1901 г. (XIV+518 с.).

Обширный очеркъ славянской кирилловской палеографіи, выпущенный проф. Карскимъ, „составленъ преимущественно на основаніи первоисточниковъ, самихъ рукописей“ (III с.) и снабженъ обширнымъ альбомомъ снимковъ (всего 101 снимокъ), который оживляетъ и облегчаетъ чтеніе книги. Задачѣ „перваго руководства“ для приступающаго къ занятіямъ старинными рукописями книга удовлетворяетъ съ избыткомъ, и названіе „обширнаго конспекта для собиранія матеріаловъ“, усваиваемое ей авторомъ (III с.), объясняется авторской скромностью. Только центральная глава книги—„о начертаніяхъ и употребленіи отдѣльныхъ буквъ“ сравнительно съ обстоятельностью, съ которой авторъ трактуетъ объ источникахъ для палеографическихъ наблюденій и пособіяхъ, о матеріалѣ для письма, форматѣ и переплетѣ рукописей, принадлежностяхъ для письма, криптографіи, писцахъ и т. д.,—кажется намъ слишкомъ сжатою. Желательно было бы болѣе детальное обследованіе отдѣльныхъ памятниковъ, особенно старославянскихъ, установленіе болѣе конкретныхъ наблюденій. Такъ, положеніе автора, что, „въ памятникахъ югославянскихъ I тоже употребляется довольно послѣдовательно, больше послѣ предыдущей гласной буквы“ слишкомъ общо. Примеры, какъ приведенные авторомъ: *прі*, *нечестіви*, характеризуютъ не только Норовскую Псалтырь и Псалтырь Григоровича, и даже печатные матеріалы, у насъ имѣющіеся, позволяютъ установить, что отличительной чертой памятниковъ южно-славянскихъ XII—XIII—XIV вв. сравнительно съ памятниками XI в. является не только болѣе частое употребленіе буквы *і* вообще, но именно частое употребленіе этого знака въ извѣстномъ положеніи: послѣ согласныхъ, внутри слова. Такое употребленіе въ старославянскихъ памятникахъ XI в. встрѣчается лишь, какъ исключеніе, обычно по недостатку мѣста. Изъ памятниковъ же XII—XIII в. лишь немногіе сохраняютъ традиціи старой кирилловской графики